

Второй шанс. Книга 1

Автор:

Юлия Ляпина

Второй шанс. Книга 1

Юлия Ляпина

Кому он больше нужен – второй шанс? Аннелоре, дочери герцога Керленского? Телохранильнице Инире? Или королю Вайнора, сыну «охотничьей жены»?

А может Светлые боги дали второй шанс Вадерии, чтобы страна не погрязла в кровавой междоусобице и приобрела достойную королеву?

Знают про то только сами Светлые.

Куда они ведут героев через полосу боли, интриг и робких зарождающихся чувств – к гибели или спасению?

Юлия Ляпина

Второй шанс

Пролог

Небольшой городок неподалеку от границы почти уснул. Вязкую тишину захолюстья лишь изредка разрывали лай собак да пьяная ругань припозднившихся гуляк.

Впрочем, тишина соблюдалась не везде. У самых ворот города расположилось крупное строение в два этажа. Единственное место в городе, где ночью бурно кипела жизнь. Стены здания, сложенные из толстых, кое-как обработанных бревен не могли полностью приглушить крики подгулявших гостей, стук кружек и бряцание мандолины. Над дверью заведения покачивалась скрипучая вывеска, кое-где пробитая болтами: «Приют наемника».

Этой ночью прокопченная дымная таверна из числа тех, которые посещают в основном грабители и скотогоны, была заполнена почти до отказа. Внутри стоял резкий запах перекишшего пива и копченой селедки.

Рослые агрессивные мужчины, бряцающие шпорами и оружием, сидели за столиками. Они пили пиво и сидр огромными кружками, закусывали раками и мелкой соленой рыбешкой, ели крутую кашу с салом и шумно переговаривались, иногда даже через весь зал.

– Инира! Тебя тут Старый Башмак спрашивает! – неожиданно раздался вопль у самой входной двери.

Крупный парень в потертом дублете обращался к стройной беловолосой женщине, которая стояла, небрежно опершись на стойку, и потягивала из кружки грог.

– Пошли его лесом, Пир! – лениво отозвалась наемница, рассматривая на свет камень в крупном перстне, украшающем ее руку. Во всем зале не нашлось смельчака, который попытался бы его отнять, а душа конкретно этой особы явно просила хорошей драки. Мужчины звериным нюхом чуяли грядущие неприятности и потому отводили взгляд, если белоголовая смотрела на них. Вот только один смельчак нашелся, да и то – племянник трактирщика, а задевать свою родню старый Череп не позволял никому.

– Сегодня я гуляю, – вновь отмахнулась от парнишки наемница. – У меня в кои-то веки выходной!

– Ини! Ну что тебе стоит? – стал канючить парнишка.

Наемница смерила настырного посланника пристальным взглядом и опять уткнулась в свою выпивку. Сокращать свое имя она не позволяла никому, но Пир

совсем пацан, глупый и наивный, как щенок, да и Череп коситься, взвешивая в руке тяжелую кружку.

- Он сейчас сам подойдет. Сказал - в пятом номере ждать будет, - снова твякнул курносый глашатай. Видать, хорошие чаевые парню посулили.

«Нумерами» тут называли небольшие комнатки для частных бесед. Наемница, пораженная необычной настойчивостью парня, все же оторвалась от напитка и задумалась.

- Так пойдешь? - Пир продолжал переминаясь поблизости, но на расстояние удара благоразумно не приближался. Все знали Ледышку. Заедет в лоб тяжелой глиняной кружкой - и неделю потом с шишкой ходить придется.

- Ладно, уговорил! Но будешь мне должен пирог с зайчатинной и круг сыра! - прихватив кружку, Инира вошла в ближайшую дверь, украшенную цифрой «пять», оставив посланца разочарованно чесать в затылке - его гонорара как раз хватит на то, что потребовала наемница.

Инира

Привет от Башмака был откровенно некстати.

- Впрочем, - подумала девушка, - выпить можно и тут.

Трактирщик, бдительно замечавший все, что творилось в его заведении, тут же подослал в комнатку мальчишку с кувшином пива и блюдом закусок. Мелочь - угодить хмурой клиентке, а глядишь, стены будут целее и не только стены.

Вообще в трактир где кучковались наемники, ищущие заказов, с оружием приходить было запрещено, но покажите-ка Черепу опытного бойца, который не сумеет раскрыть недругу голову табуретом или бутылкой? Так что лучше ублажить капризную Ледышку, и сохранить не только столы и кружки, но и репутацию!

Выцедив кружку холодного темного пива и закусив куском жареной колбасы Инира слегка расслабилась. И правда, чего на парня взъелась? Башмак посредник и знает, кого и о чем можно попросить. И уж если ему понадобилась единственная в городе женщина-наемница, значит дело будет интересным. Опасным, но интересным.

Когда молодая женщина уже свободно откинулась на широкой лавке и взгромоздила ноги в мягких сапожках на скамеечку, дверь скрипнула, приоткрываясь.

– Бог с тобой, Башмак, заходи! Я на тебя почти не сержусь, – беловолосая отодвинула пустую кружку и развернулась навстречу незваному гостю.

– Кх-х-м-м-м... – В дверь опасливо просунулся мясистый нос, давший в свое время прозвище его обладателю. Вслед носу появились маленькие выпуклые глазки и румяные от избыточного пристрастия к спиртному щеки.

Наемница переменяла позу и опять застыла, выжидая.

– Кх-м. Вечеряешь, Инира? – осторожно поинтересовался посредник.

– Собираюсь, Башмак. Быстро выкладывай, что тебе надо, и проваливай.

Невысокий упитанный старичок самого благообразного вида потоптался у порога, помял в руках коричневую суконную шапку и, наконец, пробормотал:

– Заказ есть, Инира. Как раз по тебе.

– Башмак, – наемница вновь взялась за кружку. – Я только что закрыла контракт и собираюсь надраться, как сапожник. Чтобы зеленые феи с нетопырями мерещились. А ты мне мешаешь. О найме начну думать не раньше следующей недели.

– Так, того... заказчик только согласия требует. Ехать как раз через три дня.

Инира резко встала, ласково, с голодным оскалом гиены посмотрела на посредника и очень четко сказала:

– Башмак, сколько лет ты меня знаешь?

– Де-десять, – старичок попятился под пристальным взглядом.

– И я хоть раз нарушила свои планы? – Губы девушки исказила не то усмешка, не то просто гримаса.

– Так-заказ-то какой! – завопил посредник, закатывая круглые глаза. – Клянусь подолом луноликой, такого еще никто у нас не получал! – затем Башмак снизил громкость и почти прошептал, приседая от благоговения: – Граф Бедфорд ищет наемника для сопровождения!

– Кто-о-о? – белоголовая поставила на стол недопитую кружку и уставилась на старика с недобрый прищуром. – Повтори!

– Г-граф Бедфорд... – пробормотал старик, приседая от ужаса.

– Бедфорд, значит, – блондинка прикусила губу.

Ее лицо сморщилось от сильной эмоции, но она сдержалась. Стремительно отвернулась от старика, выхватила из ножен кинжал, а из подсумка оселок, устроилась в глубокой тени и принялась мерно, с противным скрипом водить железом по камню.

Прошла минута ритмичного скрипа и скрежета, от которого сводило скулы. Другая. Наконец девушка подняла голову от оружия, проверила остроту кромки и, продолжая заточку, более спокойным тоном поинтересовалась:

– А что ему надо?

– Сопровождение, – зачастил Башмак. Он надеялся все же уговорить строптивицу и получить желаемый процент. – В столицу. Охранять его светлость, слуг и телегу с грузом.

– А груз какой? – наемница не прекращала своего дела, и это заставило посредника мечтать о побеге.

– Малый груз, карета и трое слуг, – почти прошептал он, натягивая поглубже свою войлочную шляпу.

– А наемник требуется один? – В ледяном голосе наемницы прозвучало все, что она думает о такой экономии.

– Сказал, троих можно, – жмурясь, как кот, пробормотал посредник и торопливо уточнил: – Но под одним командиром.

– А чего ко мне прибежал? – Инира отложила в сторону кинжал. В голосе послышалась несвойственная девушке сварливость: – В зале вон Сиг и Кварт сидят, давно найма ждут. Их бы осчастливил, небось еще и спасибо скажут.

– Дык... – Старик поморщился: вечно эта подлая девка наизнанку все вывернет! – Наниматель просил кого потолковее.

Инира взглянула повнимательней в блеклые водянисто-голубые глазки посредника и поняла, что Башмак брешет, как сивый мерин. Очевидно и то, что правду не скажет, хоть режь. Не зря же лучшим в этих краях считается. Репутацией дорожит, она в провинции порой дороже денег!

– Ладно, Башмак, повезло тебе... сегодня я гуляю, – наемница кивнула на заставленный блюдами и бутылками стол. – Послезавтра можешь привести нанимателя, познакомимся.

– Так, это... – забормотал радостный старик. – Наниматель просил к нему пожаловать, в дом губернатора, он там остановился. Говорят, по королевскому поручению!

Инира только хмыкнула: скорей всего, сиятельный граф велел прибыть «этому отребью» к его покоям в назначенный день, а посредник смягчил смысл послания, как мог.

Знает, шельма, с кем дело имеет – Инира подобного оскорбления не спустит. Что ж, Башмаку придется сделать это снова. Пусть и с ее стороны смягчает обороты и отбрехивается. Знать, судьба у старого пройдохи такая.

Сегодня Инира будет пить, а завтра болеть с похмелья. Вот послезавтра, когда душевная боль поутихнет, а злость выползет наружу, подстегиваемая тяжелой головной болью, она и пойдет на знаменательную встречу к барону Фредерику Константайну Эрику Бедсфорду. Есть у них одно общее старое дело...

Пятнадцать лет назад

Высокая для своих пятнадцати лет и очень худая девушка в светлом платье, отделанном шитыми кружевами, осторожно выглядывала из-за перил балкона, увитого розами. Ее взгляд блуждал среди карет, лакеев и прибывающих гостей в поисках гербов графа Бедсфорда.

Через пару часов в доме ее отца начнется торжественный прием, и юная леди Аннелора хотела точно знать, что граф прибыл. Словно в ответ на ее молитвы, старинная резная карета темного дерева въехала на круг и остановилась у крыльца. Из глубины экипажа выбрался стройный молодой человек лет двадцати. Светловолосый и голубоглазый, в скромном сером камзоле, украшенном щеголеватыми кружевными манжетами и воротничком.

Встав на ровно уложенные камни подъездного круга, молодой человек надел шляпу с пышным плюмажем, поправил шейный платок и огляделся. Многочисленные лакеи бросились помочь новому гостю: принять багаж, проводить в комнаты, предложить напитки и легкие закуски перед торжественным ужином. Вся эта суэта вокруг него доставляла юному графу огромное удовольствие.

Зажмурившись, он на миг представил себя владельцем этого богатого поместья: и высокого дома из белого камня, и неохватных садов, виноградников, оливковых рощ, и многочисленных стад и полей. Загородное поместье герцогов Керленских располагалось далеко от столицы, зато на самых плодородных землях. И воды тут достаточно – взгляд молодого аристократа зацепился за фонтан, разгоняющий своим пением дневную жару.

В это время один из лакеев уронил на ногу другому тяжелый саквояж с вещами молодого господина. Очнувшись от грез, юноша разразился бранью и даже замахнулся на неловкого паренька.

Увы, леди Аннелора этого уже не видела – за ней прибежала нянюшка и повела одеваться к встрече гостей.

Зато от герцога сцена во дворе не укрылась. Довольно молодой и сильный мужчина многого добился сам, без помощи именитых предков и потому ценил в людях не только внешний лоск, но и внутреннюю силу, умения держать себя в руках и разговаривать вежливо даже с прачкой. Впрочем, юный Бедфорд милорда Керленского не беспокоил, и как оказалось в дальнейшем – совершенно напрасно!

* * *

Тем же вечером, пользуясь шумом и толкотней, юный граф утащил наследницу рода Керленских в узкое пространство между двумя колоннами. Отсекая спиной шум переполненного гостями зала, он признался сероглазой девчонке в любви, одарив заодно парой манерных поцелуев. А для гарантии успеха подкрепил свои слова изрядной порцией любовного зелья в кубке с легким вином.

Дела его семьи были совсем плохи. Устав бегать от кредиторов отца и деда, он стремился поправить положение удачным браком. Только вот, в отличие от многих наследников знатных, но обедневших родов, Фредерик Бедсфорд не желал брать в жены купчиху. Его честолюбие простиралось гораздо дальше: почему бы не обаять единственную дочь и наследницу знатнейшей в королевстве фамилии?

Аннелора, совсем недавно допущенная «во взрослое» общество, таяла от восторга. Ей хотелось петь от счастья! Отхлебнув из предложенного возлюбленным кубка, девочка спросила:

– Ты пойдешь просить моей руки прямо сейчас?

– Сейчас не смогу, любимая, – граф потупился и задержал дыхание, боясь, что рыбка сорвется с крючка. Умело надавил: – Кто я и, кто ты? – Трагично закатив голубые глаза, указал рукой на заполненный нарядно одетыми гостями зал. А теперь побольше отчаянья в голос! – Твой отец не станет даже слушать меня!

– Но ты можешь просить моей руки с отсрочкой брака, – подумав, выдала хорошо образованная девочка. – Папа не будет возражать, ведь ты сможешь поступить на службу к Его Величеству. Сейчас благоприятное время, – повторила девочка слышанные в разговоре мужчин слова.

– Ты права, мой сероглазый цветок, это так. – Фредерик провел пальцем по светлону, почти белому девичьему локону, потом коснулся тонкой кожи виска. Ответил громко и решительно: – Я попробую! – И тише: – Сегодня в вашем доме праздник, такие разговоры будут неуместны. Я подойду к твоему отцу завтра. Ты ведь поддержишь меня, любимая?

Несколько поцелуев, жаркий шепот на ушко – и юная леди пообещала сама подготовить почву для разговора. Она готова даже проводить графа в кабинет отца в самое благоприятное для беседы время, а потом умолять родителя разрешить помолвку с отсрочкой брака на три года, только бы эти ласковые голубые глаза смотрели на нее с такой же нежностью!

В своих мечтах Анни уже кружилась в танце со своим любимым, а легчайшая газовая фата летела за ее спиной по воздуху. И все вокруг желали им счастья. Мама утирала слезы радости, а отец прижимал к груди свою внезапно повзрослевшую дочурку и строго посматривал на счастливого жениха. Затем она махала рукой близким, уезжая в поместье мужа, а любимый Фредди обнимал ее талию и целовал так сладко, что кружилась голова!

А потом она, как мама! В красивом, но очень простом платье обходит дом, отдавая распоряжения экономке и повару. Следит за порядком в гостевых спальнях и приносит горячий кофе в кабинет супруга, который, несомненно, будет расположен в точности, как и рабочий кабинет отца – рядом с маленькой гостиной, в которой хозяйка дома принимает посетителей. Все, чтобы почаще видеть жену в ее дневных заботах.

У них будут такие же семейные вечера у камина и балы. Они будут приезжать в гости в Керлен, и папа будет сокрушаться, что она так быстро растет, и он не успевает увидеть все изменения, которые происходят с его девочкой... А если папа и Фредди подружатся, то они будут вместе ездить на охоту, а она с мамой будет ждать их в гостиной возле входа и взволнованно смотреть в окно...

Юный граф тоже позволил себе замечтаться, ведя в танце хрупкую фигурку: вот он получает от тестя огромное приданое и гасит все долги отца и деда. Отправляет маман и сестриц на модные морские купания и забывает о вечных требованиях денег от торговцев и посредников.

Вот король, прислушавшись к рекомендациям герцога Керленского, назначает его зятя на солидную должность, весь труд на которой заключается в подписании бумаг да придворных увеселениях.

Вот его юная жена отправляется в дальнее поместье – вынашивать и рожать наследника. А небывало возвысившегося графа окружают придворные опытные прелестницы, у которых на костях гораздо больше мяса, да и улыбаются они куда чаще. Бросив на «невесту» косой взгляд, Фредерик с трудом удержался от гримасы, однако мысли о грядущем благополучии позволили сохранить светскую улыбку и снова окунуться в танец.

Музыка кончилась, обрывая мечты, и граф проводил свою даму к ее матери. Потом затерялся в толпе, не смея вновь появиться перед грозными очами герцога, ее отца.

Мечты юного графа вполне могли стать реальностью, если бы в дело не вмешалась, потирая костлявые ручки, ехидная старушка-судьба.

Перебравшей любовного зелья малышке Аннелоре не спалось после бала. Она решила навестить отца в его кабинете, зная, что даже после долгих и утомительных приемов отец предпочитает лично проверить перед сном срочные депеши.

Если вечер завершался тихо, то в кабинет могла наведаться и герцогиня с подносом сладостей и горячим чаем. Те немногие часы, которые герцог и герцогиня проводили вместе, вдали от толпы просителей, родственников и слуг, они ценили больше всего остального.

Вот и теперь, неслышными шагами пробираясь по коридору, Анни уловила аромат любимых маминых духов. Осторожно, буквально на цыпочках девочка вошла в смежную с кабинетом гостиную.

Массивная темная дверь оказалось приоткрытой. Юная маркиза присела на корточки у стены и прислушалась. Сквозь узкую щель доносился звон чашек и голоса:

– Не нравится мне этот граф, – говорила мама, отпивая небольшой глоточек ягодного чая. – Крутится возле Анни, строит ей глазки, а за душой ни гроша.

Аннелора приоткрыла любопытным глазом к щелке, разглядывая родителей в свете масляной лампы.

– Но род довольно древний и уважаемый, – возразил отец, отламывая кусок любимого лимонного кекса.

– Он добыл приглашение через леди Виору и, как мне кажется, расплатился не деньгами. – Мать многозначительно посмотрела на отца и поставила чашку на блюдце.

– Вот как? Шустрый малый, Ви своего не упускает и еще возьмет его за нежное место. – Отец рассеяно поставил чашку. Вздохнув, сказал: – Малея, мне поступило предложение... – герцог неожиданно замялся, потом вскочил и отошел к окну.

– Предложение? – голос герцогини звучал нежной музыкой, но струны напряглись в ожидании.

– Герцог Мирано предлагает обручение с его младшим сыном, – решительно сказал отец и, вернувшись к столику обнял супругу за плечи: – наша малышка растет и скоро ей самой предстоит вить гнездо.

За дверями Аннелора в ужасе закрыла себе рот, чтобы удержать крик. Юный лорд Мирано был неловким полноватым мальчиком года на четыре помладше нее. Анни он казался очень глупым и некрасивым. Совсем не таким, как граф Бедсфорд.

– Зиг, сын герцога Мерано, конечно, прекрасная партия, но одобрит ли такие планы Его Величество? – ответила, помолчав, герцогиня.

Герцог вернулся к столу и, заглядывая в грустные глаза жены, сказал:

- Это хорошая защита для нашей девочки, ты же понимаешь, Маля.

- Понимаю, - на глазах герцогини заблестели слезы.

Она не смогла подарить супругу сына-наследника и это заставляло ее страдать. Однако Маля Керленская была дочерью графа и неплохо разбиралась в политической ситуации. Единственную наследницу следовало защитить любым способом, даже помолвкой с сыном весьма могущественного соседа. Конечно свекр попытается убедить Анни подарить часть земель, да и сам залезет в управление, но ему будет выгодно надеть на сына герцогскую корону, и непременно дожидаться наследника, а значит лет десять у них в запасе будет, как бы не сложились обстоятельства.

- Значит, завтра расскажем все Аннелоре, - припечатал герцог. - Она неглупая малышка, должна понять все выгоды этого союза.

- Да, расскажи ей сам... - Герцогиня Маля потерла изящными пальчиками висок и решительно добавила: - Я прослежу, чтобы граф здесь больше не появлялся. Репутация девушки - вещь хрупкая.

Обнявшись, герцог и герцогиня отправились в свои покои, а их дочь, давась рыданиями, со всех ног неслась к себе. Почему любящие друг друга родители отказывают ей в праве на любовь? Ее мир начал рассыпаться как песочный куличик, долго простоявший на солнце. Что делать? Как жить дальше с такой болью в сердце?

* * *

Нарыдавшись в пышные подушки, Анни уселась за стол и принялась рассуждать так, как учил ее отец. Раз мама сказала, что граф не получит больше приглашения - значит, уже завтра он уедет. А ее ждет помолвка с мальчишкой, который приобретет право тянуть к ней пухлые, слишком мягкие губы, и держать ее за руку на каждом балу. А потом, возможно, и вовсе увезет в свой дом, к своим родителям и банде таких же пухлощеких братцев.

Что можно сделать? Медлить юная дочь герцога не привыкла: спустя всего час, переодетая в охотничий костюм, с котомкой за плечами она выбиралась из поместья через садовую калитку возле кухни.

Ее никто не заметил: серенький рассвет едва занимался, а утомленные гости и слуги видели второй сон. Старый пес сидящий на цепи у калитки ласково ткнулся ей в руки мокрым носом, и Анни привычно потянулась за лакомством, забыв, что вышитый кармашек остался на поясе платя.

- Прости, Скудо, - шепнула она потрепав вытертый загривок собаки и закрыла за собой простенький засов.

Мелькнувшую у ограды серую шляпу заметил поваренок. Он, зевая, нагребал щепки для растопки большой кухонной плиты. Паренек решил, что это кто-то из слуг торопится по поручению, и тут же выбросил увиденное из головы. Своих дел с утра довольно. Зевнув еще раз, парень потащил корзину щепы к едва успевшей остыть печи.

Через пять часов весь огромный дом стоял на ушах: леди Аннелора пропала!

Пропажу обнаружила няня, пришедшая будить девочку. Сначала она подумала, что юная леди привычно удрала на псарню либо на конюшню, но Анни не обнаружилась ни в одном привычном «секретном» уголке.

Переполох случился знатный! Перепуганные слуги обшарили все поместье. Протралили сетями цепочку мелких прудов в саду. Слазили в колодцы. Наведались с факелами в погреба и ледники. Проверили все псарни, овчарни и коровники на маленькой ферме.

Фрейлины, взявшись за руки и перекликаясь, прочесывали укромные уголки в садах и парках. Пажи забралась на крышу, распугав чердачную колонию летучих мышей, и, топая башмаками, носились с криками: «Ва-аша-а све-етлость!»

А на голубятне толпились заплаканные горничные в ожидании вестей «для госпожи герцогини».

Не нашли.

На третий день родители объявили вознаграждение тому, кто найдет юную маркизу ди Оранд или хотя бы сведения о ней.

Молодой король, тронутый горем одного из знатнейших людей в стране, прислал в поместье своих лучших дознавателей. Суровые мужчины в синих суконных мундирах опросили каждого, включая поваренка с кухни. И уверили постаревшего от горя герцога, что леди Аннелоры в поместье нет.

Тем временем Анни удалялась от родного дома все дальше. В голове бродили романтические истории, почерпнутые в рыцарских нравоучительных романах, а в крови гуляли остатки любовного зелья. Девочка решила сделать возлюбленному сюрприз: встретить графа в его собственном поместье, провести несколько часов с ним наедине и тем вынудить отца сыграть свадьбу.

Возможно, в целом идея была и неплохой: картой крошечная маркиза предусмотрительно запаслась и провизии в дорогу прихватила, но не учла того, что поместье графа располагалось довольно далеко от знакомых ей земель.

Хотя вокруг царило изобильное лето, путь ей предстоял непростой и неблизкий.

Через несколько часов, когда непривычные к длительным пешим прогулкам ноги запросили пощады, Анни впервые задумалась о благоразумности своего поступка.

Но логический ум и природное упрямство сделали свое дело: выйдя на тракт, девушка отыскала еле плетущуюся крестьянскую телегу и попросила ее хозяина подвезти. Крестьяне не поверили в сказку о павшей лошади и тетке, к которой она якобы добирается, но подсесть на телегу разрешили.

Болтая ногами и угощая чумазых ребятишек сушеным урюком, Анни выяснила, что семья из пяти взрослых и полудюжины ребятишек ехала на свадьбу к родственникам.

И направлялись они почти туда, куда ей было нужно, а потому девочка с радостью согласилась поучить детей азбуке за возможность добраться до графского поместья в большой и теплой компании.

Крестьяне особенно не спешили, часто останавливаясь, варили простой жиденький кулеш с ранними грибами и травами, заправляя жареным луком с салом. Дети собирали поздние ягоды, лекарственные травы и мох. Женщины, болтая и напевая, вышивали красной и зеленой шерстью подарок молодым – огромное покрывало, украшенное цветами и травами. Старуха вязали из грубой шерсти носки, варежки, теплые жилеты и платки.

Старик с изрезанным морщинами лицом, от старости почти не слезающий с телеги, плел из бересты лапти и туески. А однажды сплел из узких полосок ажурный венец, и водрузил его на совершенно выгоревшие на солнце волосы Анни.

Дети вокруг захлопали в ладоши, а девочка постарше завистливо вздохнула и принялась теревить деда:

– Деда, деда! А мне такой венок? А мне?

Погладив внучку по толстенькой косичке, старик пообещал непременно порадовать и внучку, а поутру младшая невестка не добудилась свекра. Это была первая смерть, увиденная Аннелорой, и она запомнилась навсегда. Берестяной венец, завернутый в чистое полотенце, стал ее последним детским сокровищем.

Потом к их телеге присоединилась повозка с циркачами и еще пара крестьянских семей. Все они ехали в направлении западных графств и предпочитали двигаться в большой компании.

Караван, однако, став солиднее, как ни странно, начал двигаться быстрее. Вечерами у костра уже не только рассказывали сказки, но и пели песни, загадывали загадки и даже немножко танцевали.

Однажды к костру подошла сморщенная, словно печеное яблоко, смуглая старуха. Она долго всматривалась в огонь, покуривая изогнутую трубку, а потом неожиданно поймала Аннелору за руку:

– Сядь, малышка, – попросила она, вглядываясь в наивные серые глазенки своими пронзительными черными очами. Покачала головой: – Ох, беда! Глупая девочка, давно ли ты сохнешь по парню со светлой головой и черным сердцем?

Анни дернулась, пугаясь и непонятных речей, и самого облика старой ведьмы.

Но старуха не отпускала, вцепившись в левую руку скрюченными пальцами. Бережно погладила извилистые линии на ладони, еще раз заглянула в глаза:

– Ты не знала? Его сердце черно, как безлунная ночь. Он мечтал о почестях и золоте, вот и совершил страшный грех, присушил тебя зельем.

– Неправда, не верю! – пискнула напуганная дочь герцога и отчаянно забилась, задергалась, будто пойманная птица.

Гадалка покачала головой и ткнула мундштуком в грудь девушки:

– Не хочешь – не верь! Но я сниму с тебя его грешные злые путы, сниму сейчас же, иначе через семь зим ты умрешь, и это так же верно, как солнце и луна в небе. Высохнешь, как эта трава... – старуха кинула в огонь пучок сушеной полыни и забормотала нечто ритмичное себе под нос.

Веки Аннелоры внезапно отяжелели, и она опустилась на кошму, неудержимо зевая.

– Спи, – строго сказал колдунья, и Анни уснула.

Поутру девочка проснулась возле погасшего огня и постаралась забыть ночной разговор как можно скорее.

Необычная встреча действительно вскоре забылась, но легкий привкус полынной горечи еще долго преследовал девушку в дыме каждого костра.

Между тем караван медленно полз по дорогам, пополняясь все новыми телегами и возами. Однажды на вечерних танцах у огня гибкую худощавую девочку и заметил метатель ножей. Сплясав вместе с нею заводную джигу, он оценил ее ловкость. И, вдохновленный бесшабашной улыбкой юной маркизы, показал присутствующим свое искусство на большом деревянном щите, втыкая ножи с завязанными глазами, веером, из-за спины.

Когда зрители уже начали улюлюкать от восторга, метатель поставил к щиту смущенную Аннелору и воткнул ножи вокруг ее головы, завершая выступление.

Приятно, когда тебя слушают, открыв рот, да еще наивно хлопают огромными серыми глазами! За ужином циркач разливался соловьем и к утру наобещал взять худышку в ученицы. Правда, то же самое пообещали сделать и гибкая невысокая акробатка, и довольно высокий, массивный канатоходец, и дрессировщик... и даже карлик, которого канатоходец во время выступлений носил на плечах. Правда утром никто из них своих обещаний не вспомнил – циркачи мрачно шатались между повозок, поливали головы ледяной водой и цыкали на мелюзгу, мельтешащую под ногами.

Еще в самом начале путешествия, обеспокоенная интересом незнакомых людей, девочка придумала себе новое имя, красивое и необычное как ей казалось: «Кайтанира». Взрослые таинственно улыбались, произнося его. И только спустя почти две недели, она узнала, что это имя означает «военный летний лагерь». Красная от смущения Аннелора, узнав о значении выбранного имени, сократила его до «Иниры», и постепенно это имя прижилось.

Убедившись, что вчерашние добрые знакомцы с утра больше напоминают злобных псов, маркиза забила в дальний угол повозки и задремала под стук колес. Она не понимала, насколько ей повезло, встретить в старую ведьму. Сняв приворот, старуха заставила всех ее спутников поклясться, что никто не тронет ее и пальцем:

– Я вижу, что этой девочке суждено многое, а еще вижу, что свой путь она уже начала. Если кто из вас штаны на месте не удержит – все сдохните! – выпалила старая карга и плюнула в огонь, закрепляя свои слова.

Если кто и поглядывал на чистенькую миловидную девчонку, после той ночи все стали скромно отводить глаза – связываться с настоящей ведьмой никому не хотелось.

* * *

Итак, караван неспешно ехал, ехал, и... приехал в карантин. Суровые усачи в синих солдатских мундирах сгоняли путешественников с дороги на луг громко

вопя:

– Карантин, карантин! Путь закрыт!

Ворчащие крестьяне и купцы получали бирки с датой въезда в карантин и вздыхая устраивали биваки, ссорясь из-за хвороста и сена на подстилки.

Сначала Аннелора расстроилась – свидание с женихом откладывалось на целый месяц! Потом рассердилась – она тут страдает, сгорает от желания быть рядом с ним, а Фредерик все еще не нашел ее! Потом девушка принялась плакать, ругать себя и оправдывать графа Бедфорда, но все было напрасно – солдаты никого не выпускали из карантина, пока не пройдет три недели, за которые становилось понятно – здоров путник или болен.

Условия жизни в карантине были самые спартанские. За водой выстраивались очереди к единственному ключику, обнаруженному поблизости от временного лагеря. Хворост из прозрачной рощи, окружающей луг выбрали в первые же сутки, а сырые деревья не желали гореть без искр и дыма.

От постоянных истерик Анни спасали только занятия с метателем ножей. Скучать и бездельничать она не привыкла, а потому быстро оценила новые возможности и принялась осваивать искусство метания ножей, не предполагая, что оно ей когда-нибудь пригодится.

Через две недели ее учитель заболел. Анни проводила с ним в фургоне долгие часы, обтирая горящее в лихорадке тело, подавая воду и поправляя повязку на лице – даже тусклый свет вызывал у больных резь в глазах.

Вокруг уже лежали вповалку его друзья, а поблизости на телегах стонали крестьяне, ехавшие на свадьбу. Через несколько дней заболел каждый второй, еще через пару дней в дальнем конце карантина начали копать ямы и засыпать их негашеной известью.

На глазах у юной маркизы огромная толпа людей, скопившихся в карантине, начала впадать в панику. Слова «переехал на тот конец карантина» стали синонимом смерти.

При появлении малейших признаков заболевания несчастный начинал искать помощь, хватать за руки всех, проходящих мимо: солдат, сиделок, докторов в просмоленных костюмах. С такими безумцами поступали довольно жестко: пеленали в простыни и поили успокоительным настоем. Если не было успокоительного, вливали стакан крепкого вина.

Увы, в этой пустынной местности для такого количества людей не хватало даже предметов первой необходимости: тюфяков, посуды, корыт для стирки грязного белья. Но еще больше не хватало людей, способных подать стакан воды и утереть лицо. Несколько женщин, потерявших в карантине близких, служили сиделками, за остальными практически никто не ухаживал.

Тут – то и пригодилось Аннелоре вбиваемое матушкой умение ухаживать за больными и ранеными. Как знатная дама, получившая отличное образование, Аннелора умела парить травяные отвары, унимающие лихорадку и боль, поить лежачих с помощью ложечки и перевязывать раны. Брезгливость и нервы отступили в первые же дни, когда вокруг все плакали, стонали, проклинали или молились. Все на что хватало сил – бродить с ведром воды и сомнительной чистоты тряпками, обтирая потные лица, подносить к обкусанным губам обгрызенную деревянную чашку, да иногда закрывать глаза тому, кому еще вчера подавала чашку.

Больше всего юной маркизе пригодилась хорошая память и любовь к литературе. Лежать в фургоне было скучно не только метателю ножей – рядом в телегах металась в бреду дети и взрослые, остановленные королевской заставой.

Аннелора, напоив всех теплым отваром, принималась вслух читать любимые древние легенды, петь старинные баллады и пересказывать сказки и пьесы, которые читали ей самой. Порой ее голос был единственным, звучащим над карантинном, даже солдаты старались тише двигаться между рядами телег, выбирая из толпы трупы.

Через неделю метателю кинжалов и всем, кто ехал в караване, стало лучше. Оглядевшись вокруг путники припомнили слова старой ведьмы и с удивлением обнаружили, что выжили все, кто сидел тогда у костра! Забота девчонки не прошла даром! И хоть карантин до сих пор нельзя было покинуть, возвращение к жизни уже внушало оптимизм.

Убедившись, что люди, которым она обязана живы, юная маркиза свалилась с жесточайшей лихорадкой. Болезнь усугубило то, что циркач не сразу догадался пригласить лекаря, сваливая недомогание девочки на усталость. К тому же на лагерь упала последняя августовская жара и многие старались больше спать, чтобы не страдать от духоты и грязи.

На скудном дорожном тюфяке, в поту и горячке светлые волосы Аннелоры заполонили вши. Лекарь безжалостно велел отрезать длинные локоны, дабы не мучить больную. Метатель кинжалов Сигизмунд, сам уже сверкая чисто выбритой макушкой, вздыхая от сожаления, намылил светлые прядки щелочным мылом и срезал их своим лучшим кинжалом. Анни этого даже не заметила. Лихорадка только усиливалась с каждым часом.

Одна из пришедших в себя крестьянок подсказала растерянному циркачу, что нужна ледяная вода, лучше всего с уксусом и много травяного отвара. Мужчина решительно велел женщине присмотреть за больной и отправился искать в жару ледяную воду и травы.

Нашел. Просидев рядом с малышкой почти две недели, метатель ножей заставил болезнь отступить.

Однако, убегая, болезнь взяла с девочки немалую плату: худощавая фигурка стала еще более тощей, истратив на борьбу с жаром последние силы. А светлый пушок, появившийся на бритой голове, окончательно побелел. Нормально ходить и говорить Аннелора смогла только в начале осени.

Измощенная, с короткими, едва начавшими отрастать волосами, одетая в слишком просторные рубаху и штаны, она бродила среди телег и повозок. Поила больных, обтирала, меняла им одежду и варила кашу измотанным лекарям.

Метатель ножей и канатоходец ходили с ней – больше никто из цирковой группы не выжил. Мужчины не чурались любой работы – подносили ведра, переворачивали раненых, иногда напоминали девушке, что надо есть и спать, если сами от усталости не падали рядом, на затоптанную землю. Они оба считали Иниру своим талисманом и боялись отойти от нее хоть на шаг. По мнению этих мужчин, ад выглядел как бесконечный карантин.

* * *

Еду, одежду и лекарства выдавали присланные королевской школой медики. Они же платили по медяку в день за помощь. Солдаты, охранявшие карантин, обращали внимание на странную компанию из тощей девчонки и двух изможденных мужчин, но в самом карантине несчастным болящим было мало дела до окружающих.

Никому и в голову не могло прийти, что изящная, словно дорогая фарфоровая статуэтка, герцогская дочь и всклокоченное существо с покрасневшими руками и безумно горящими глазами – одно лицо.

За время, проведенное в карантине, Аннелора видела столько боли и смерти, что родной дом потускнел и воспоминания о нем отступили. Забылись родные стены и любимые люди, мягкие постели и фарфоровые блюда.

Ежедневный труд и ужасный запах, который она перестала замечать на третий или четвертый день; стоны и слезы, от которых ее сердце оледенело; беспросветно-серые дожди, накрывшие обитель скорби в сентябре, – они выбили остроту воспоминаний о близких.

Девочке уже казалось, что так было всегда – серый мир вокруг, тяжелая, но привычная работа, знакомая круговерть докторов, солдат и больных.

До бездорожья солдаты успели выстроить навесы, под которыми укладывали лежачих. Ледяные дождевые капли залетали под парусиновый полог и охладили тело. Щекотали шею, которую не прикрывали больше локоны изысканной прически, смачивали затоптанный пол, делая его еще грязнее.

Поддерживать чистоту в этом скопище тел было практически невозможно. Но Инира старалась. Мыла полы, раскладывала по углам пучки полыни, собирала грязное белье и уносила таким же усталым прачкам, с утра до ночи стоящим над корытами и дымящимися котлами.

Иногда она засыпала стоя, привалившись к опорному столбу навеса, тогда Сигизмунд укладывал ее в опустевшей повозке, укрывая плащами и куртками. Проснувшись от чьих-то стонов, она даже не успевала высказать метателю ножей благодарность – снова бежала к навесам.

Постепенно народу становилось меньше. Король распорядился близлежащим помещикам выделить часть урожая в пользу больных, и похлебка стала гуще. Все больше людей поднимались на ноги и бродили унылыми теньями, не зная, как им дальше жить.

Тогда на помощь вновь пришел королевский указ: солдаты и уцелевшие крестьяне принялись торопливо строить более теплые помещения, выкладывать печи, сколачивать нары – приближалась зима.

* * *

Из карантинного ада Аннелора вырвалась только с первым снегом. Однажды, выскочив из душной избы с ворохом белья в руках, увидела, что все вокруг укрывает тонкий слой белоснежной глазури. И в голове неизвестно откуда всплыли слова самого старого и опытного доктора: зараза уйдет с морозами.

И верно.

Вернувшись в дом, девушка огляделась: часть докторов уже уехала, потому что больные выздоравливали, а новые не появлялись. Освободились холодные лавки у дверей. За столом спокойно сидел старенький доктор и потягивал травяной отвар из большой глиняной кружки. Бросив белье в корзину, Аннелора присела рядом с ним и удивленно услышала:

– Очнулась, красавица? Куда ехала-то? Завтра сможешь дальше ехать, снег выпал, карантин закрывается.

– Все? – в голосе девушки прозвучало удивление.

– Все, – подтвердил доктор. – Я там тебе премию выписал, у писаря заведи, да хоть платье себе купи, а то девушка, а вид, как у кошки бродячей.

Доктор сказал это все так отечески ласково, что Анни не обиделась, но сочла нужным глянуть в небольшое оклеенное бумагой зеркальце, стоящее на приступке: мужчины перед ним, брились, а она так ни разу и не заглянула.

Оттуда на нее взглянуло привидение: бледное, лохматое и неизвестного пола. Анни в ужасе отшатнулась, но, к счастью, в тот момент в дом зашел мужчина в потрепанном кафтане.

Его зовут Сигизмунд, вспомнила она, вглядываясь в спокойные карие глаза вроде бы знакомого мужчины. Циркач, должно быть, что-то заметил в ее взгляде и спросил:

– Инира?

«Я Аннелора!» – хотелось закричать девушке, но язык не поворачивался. И хорошо, что лавка была широкой и твердой – ноги явно тряслись.

Сигизмунд заметил эту дрожь и совсем растерялся. Благо, доктор, выслушав пульс побледневшей девушки, ласково посоветовал циркачу:

– Своди девочку в баню и купи ей платье, чтобы в себя пришла.

Циркач едва ли не на руках вытащил Иниру на белый снег. Оставляя в снежном полотне черные следы, привел в женскую баню и велел бывшим там селянкам вымыть ее и пропарить:

– Белье и платье сейчас принесу! – добавил он, закрывая за собой дверь предбанника.

Часа через два Аннелора снова смотрела в зеркальце и вздыхала. Добрые женщины помогли ей, чем могли: вымыли, смазали потемневшую кожу душистым маслом, облачили в принесенные Сигизмундом вещи, даже короткие волосы спрятали под кокетливый чепчик с оборками. Но она по-прежнему ничем не напоминала сероглазую куколку из отцовского поместья.

Впрочем, долго в бане сидеть не будешь, нужно идти. Герцогская дочь распахнула дверь и сделала шаг. В лицо дохнуло холодом, смывая сонную одурь последних месяцев. Кровь быстрее побежала по жилам.

Рядом раздалось вежливое покашливание. Инира оглянулась. На завалинке ее поджидали двое: Сигизмунд и его приятель, канатоходец по имени Кварт. Они

молча подвинулись, уступая ей кусочек домотканого коврика, а потом Сиг заговорил:

– Инира, мы тебя не спрашивали о твоём прошлом и спрашивать не будем, не наше это дело. Но, благодаря тебе, мы выжили и готовы помочь. Прежде чем мы все тут оказались, ты же куда-то направлялась?

– Да, Сиг, я ехала к жениху, – Анни спрятала взгляд.

– Тогда мы тебя проводим. Все равно сейчас выступить здесь негде. Так, может, хоть на твоей свадьбе погуляем.

Анни бледно улыбнулась и согласилась:

– Спасибо, Сиг, Кварт! – на глазах девушки всплыли слезы благодарности и мужчины смущенно отвернулись.

– Идем? – Сигизмунд протянул девочке руку.

– Идем! – улыбнувшись, Инира приняла руку и шагнула вперед.

* * *

К вечеру они все вместе вычистили старый скрипучий фургон, покрытый расписной холстиной. Краски выцвели, дерево потемнело, в углах от осенней сырости завелась плесень, но в целом цирковой «домик» вполне годился для путешествия.

Лошади пережили время карантина вполне мирно – только наели себе «сенные животы» да обросли густой «зимней» шерстью. Смешные, похожие на медвежат жеребята дичились людей и прятались за маток, увидев решительно настроенного канатоходца.

Вооружившись ломтями ржаного хлеба с солью, Кварт все же привел упирающихся коней к фургону. Накинул на шеи веревки, а потом долго ласкал и уговаривал дичащихся животных. Добившись относительного спокойствия

косматых, по-зимнему светлых лошадей, Кварт навесил им торбы с овсом и, пока Ини скребла деревянный пол и стены фургона щелоком, перебирал и натирал жиром покоробившуюся упряжь.

Все это заняло удивительно много времени потому что у всех тряслись от волнения руки. В конце концов, почти в обед, трое уцелевших сунули в фургон мешок с провизией, проутюженные от заразы одеяла, запас угля для походной жаровни и мешочек с заработанной мелочью. Потом простились с докторами и солдатами и тронулись в путь.

Глядя на заиндевевшие деревья вдоль дороги, Аннелора словно оживала, пропитываясь чистотой и покоем зимнего леса. Рядом хлюпал носом Кварт – парень уже позабыл ветер дорог и теперь ежился, и чихал, хлебнув свежего воздуха.

Сигизмунд, соскучившийся по новым лицам и событиям, едва ли не с умилением взирал на старые кострища, поломанные телеги и обрывки сбруи в придорожных канавах. Ему в отличие от Иниры хотелось увидеть людей, выпить кружку пива в трактире и узнать новости, не связанные с болезнью.

Ехали, впрочем, недолго – верст через пять остановились в трактире и долго озирались, привыкая к обилию незнакомых здоровых людей.

Хозяин быстро догадался, что посетители из карантина, но, получив серебряную монету, промолчал, только подал ужин в комнату, да в горячее вино сыпанул изрядно перцу, защищаясь от заразы.

Комнату циркачи сняли одну на всех: Анни, как единственная дама, улеглась на узкую кровать с бугристым соломенным тюфяком, а мужчинам достались точно такие же тюфяки, раскатанные на полу.

Ночью девушка несколько раз просыпалась от непривычной тишины: циркачи спали тихо. И стены в трактире были довольно толстыми, ей не хватало стонов, хрипов, кашля. Карантинная болячка часто осложнялась удушьем. При воспоминании об этом, из глаз медленно потекли слезы, и девочка подушкой заглушала всхлипы.

В тяжком ночном безмолвии опять навалились думы. Так все же: Инира или Аннелора? У нее появилась возможность рассказать о себе новым друзьям. Но как они примут такую новость? Тощая девчонка, едва не отправившаяся на Радужный Мост – знатная девица? Нет, пока рано, сначала нужно увидеть Фредди и попросить его наградить циркачей по-королевски!

Под утро Анни все же забылась тревожным коротким сном и увидела выплывшее из небытия лица родителей, графа. Сердце тревожно забилося: она вспомнила, что ее, скорее всего, ищут!

Мужчины проснулись только к завтраку и удивились – их спутница сидела за простым деревянным столом и с аппетитом ела кашу с салом. Рядом истекали паром еще две тарелки, накрытые ломтями серого деревенского хлеба, и кувшин с горячим сбитнем.

– Доброе утро! – Девушка строго посмотрела на мужчин, один из которых был старше ее почти вдвое. – Умывайтесь – и завтракать. Сегодня ветра нет, лучше выехать пораньше.

Сиг, удивляясь себе, едва не поклонился тощей пигалице. Подобрал снятый вечером колет, он устремился к общей умывальне, расположенной в конце коридора. Канатоходец же, ухмыльнувшись, подскочил к столу и попытался схватить миску с кашей, минуя неприятные утренние процедуры, за что и получил ложкой по руке:

– Умываться! – Анни нахмурила светлые брови. – Или на голову миску надену!

– Достань сначала, девчонка! – Парень, которому едва стукнуло восемнадцать, постарался вытянуть завтрак силой – и, действительно, получил миску на едва начавшие отрастать волосы.

Сиг, вернувшийся уже из умывальни, рассмеялся:

– Так тебе и надо, Кварт. С нашей малышкой лучше не спорить – завтрак она оплатила из своего кармана.

Канатоходец сбросил на пол пустую миску и поплелся в умывальню, бурча себе под нос, что капризные девчонки с тугим кошельком им командовать не будут.

Сигизмунд коротко поклонился леди, выбрал одну из двух уцелевших мисок, и стал есть. Шляпу для канатоходца Анни сотворила из собственной, уже опустевшей посуды, и сейчас неторопливо прихлебывала сбитень, поглядывая в щелочку между ставнями:

- Сиг, нам ехать еще почти неделю. Может, попутчиков возьмем?

- Попутчиков? - циркач тоже приник к узкой щелке. У ворот трактира топтались, бурно жестикулируя, несколько опрятно одетых гномов.

- Думаешь, они ищут транспорт? - с сомнением проговорил он, разглядывая добротную одежду коротышек.

Девушка в ответ пожала плечами:

- Гномы плохие наездники, а у этих, кажется, конь пал. Конюх все утро пробегал туда-сюда без шапки, и хозяин уже третий раз им пиво выносит.

- Хорошо. Двоих или троих мы взять можем. Если без груза. Пойду узнаю, - залпом выпив остывший сбитень, Сигизмунд вышел из комнаты, встретив по пути все еще бурчащего, но умытого Кварта.

Гномы действительно обрадовались возможности добраться до крупного села в фургоне циркачей и не поскупились с оплатой. Воспользовавшись оказией, трактирщик передал родичам мешок с гостинцами да несколько пакетов до ближайшей почтовой станции попросили закинуть постояльцы.

Пересчитывая полученные монетки, метатель ножей подумал, что они неплохо заработают. Даже если свадьба Иниры и не состоится.

Несмотря на задержку с расчетами и загрузку дополнительного провианта для пассажиров, они выехали, едва солнце вынырнуло из утренней дымки.

Кварт правил лошадьми. Сигизмунд помогал Инире прилаживать на маленькую походную жаровню котелок с водой для травяного отвара. Гномы мирно покуривали короткие трубочки и вели вежливую беседу о стоимости драгоценных камней на ярмарках и ювелирных лавках.

Девушка внимательно слушала и задавала вопросы.

Сиг бросал на нее короткие взгляды и удивлялся. Еще накануне Инира разобрала вещи, оставшиеся от умерших членов труппы: что-то, подшила, что-то выбросила. Теперь она ничем не напоминала бледную замученную тень, бегающую с тазами и корзинами по госпиталю.

Теплые брюки из мягкой серой шерсти и толстая вязаная фуфайка превратили девочку в мальчика. Длинный жилет с ватной подкладкой скрыл различия фигур окончательно. Вместо деревенского чепца короткие волосы прятал берет. На поясе разместился не только кинжал, но и подарок наставника – полдюжины метательных ножей.

Когда вода в котелке вскипела, Инира насыпала сухих трав, прикупленных в трактире и добавила щедрую ложку меда:

– Обедать только после полудня будем, а по морозу ехать силы нужны, – пояснила она Сигизмунду и, помешав отвар, налила первую кружку вознице.

Гномы одобрительно загудели и, пока Инира придерживала поводья, чтобы Кварт мог согреться первыми обжигающими глотками, потихоньку добавили в котелок хорошую порцию гномьей водки.

Вернувшаяся девушка зачерпнула отвар большой кружкой, поднесла старшему гному. Потом так же уважительно, но без поклона подала кружки младшим. А уж после налила Сигизмунду и себе.

Метатель ножей с интересом смотрел, как она подносит кружку ко рту и вдыхает сильный запах алкоголя. Гномы тоже отвлеклись от своих бокалов на это примечательное зрелище, но Инира спокойно отхлебнула, поежилась и сказала:

– Кашу сами варить будете! – И, не отрываясь, словно воду в жаркий день, выпила все, что было в кружке, до капли! Потом свалилась на свернутый тюфяк и уснула!

Гномы дружно засмеялись низким дробным смехом и чокнулись своими почти литровыми кружками:

– Смелая девочка, господин Сигизмунд, – сказал самый старший. – Не волнуйтесь, кашу Мартин сварит, а малышку лучше укрыть потеплее, не то простудится.

Сиг тотчас последовал совету: унес ученицу в конец фургона, уложил на развернутый тюфяк. Подумал и укрыл еще парой, бурча себе под нос, что глупых малолеток еще учить и учить, а «гномья водка» это не дешевое вино в заштатной таверне!

Гномы ухмылялись, слушая это ворчание, и прихлебывали свое пойло, от которого у самого Сигизмунда внутри полыхал настоящий костер. Однако пора было и кашу заваривать. Перелив отвар в укутанный платком горшок Сиг торжественно вручил котел младшему гному. Тот не растерялся и затребовал воду, крупу и сало. Потом, напевая что-то созвучное бряцанию топоров, захлопотал у жаровни.

К обеду в котелке запыхтела каша. В воздухе поплыл аппетитный аромат. Инира заворочалась под тюфяками, а потом поднялась, со стоном придерживая голову.

Ухмыляющийся гном произнес речь, восхваляющую доблесть человеческой женщины, во время которой Ини прилагала все усилия, чтобы не стонать очень громко. Пожалев ее, коротышка извлек небольшой флакон темного стекла и накапал несколько капель в подsunутую младшим кружку с водой;

– Выпей, госпожа, полегчает.

Инира с опаской принюхалась к лекарству и быстро выпила, борясь с тошнотой. Сиг усадил ее на свернутый тюфяк и вручил еще кружку воды:

– пей. Сейчас все пройдет, обедать будем.

– Ой, – жалобный стон все же прорвался сквозь побледневшие губы, и девушка приникла к кружке.

Гномы все еще гудели, посмеиваясь, но вот молодой стукнул черпаком по крышке котелка и выставил на широкую доску стопку мисок. В воздухе поплыл заманчивый и волнующий запах еды. Гномы спрятали трубки, и вынули огромные клетчатые платки, которые постелили на колени вместо салфеток.

Кварт заерзал на своем месте, оглядываясь через плечо и нетерпеливо ожидая свою порцию. Ини чуть оживилась, но Сигу пришлось самому отнести кашу вознице и всунуть горячую миску в руки девушки. Впрочем, с каждым глотком она приходила в себя и вскоре уже стучала ложкой наравне со всеми.

Ехали не спеша целых четыре дня. Снег продолжал ложиться на прихваченную ночным морозцем грязь. К полудню с колес смачно шлепались пласты подтаявшей земли, перемешанной со снегом. Жаровня почти не давала тепла, поэтому все время путешественники проводили в теплой одежде.

Гномам хватало их кафтанов из толстого мягкого сукна, они лишь посмеивались временами над синеющими от холода циркачами. Да рассказывали о вечном холоде, царившем среди горных вершин Гномьего пика.

Сам Сигизмунд, морозы крайне не любивший, отпорол рукава овчинного тулупа, принадлежавшего раньше силачу Ярику. Теперь метатель ножей тачал из них теплые штанины, а из остатков тулупа – меховой жилет для более стойкого к холоду Кварта.

Инира отыскала в вещах перевязь с ножами и подогнала ее под себя. Так же поступила и с широким кожаным ремнем, внутри которого располагались потайные кармашки. Пассажиры только ухали сквозь кустистые бороды, глядя на ее рукоделие.

Очень странно, но приходя в себя после болезни и нервного истощения, она почему-то больше вспоминала не рецепты вкусных блюд или навыки тонкой вышивки, а практические приемы, подсмотренные в казармах гвардейцев отца.

Легко протягивая дратву зубами или прокалывая шилом дырку в толстой коже ремня, девушка улыбалась, представляя глаза наставницы по рукоделию и

вышивке.

– Благородная леди должна изучить все виды изысканного рукоделия и вышивки! – говаривала сия достойная дама, воздевая исколотый иглой палец к расписному потолку под тягостные вздохи ученицы.

* * *

Гномы, никогда не сидящие без дела, успели рассказать Инире, что едут на большую ярмарку в надежде скупить у заезжих охотников и селян необходимые им шкуры, редкие травы и барсучий жир.

Всю дорогу они аккуратно вырезывали из брусочков бриара коротенькие гномьи трубки, украшая их готовыми серебряными колечками с бирюзой, агатом и малахитом. А младший еще и кашеварил на всю компанию.

И, конечно, в столь далекое путешествие деньги гномы взяли в векселях гномьего банка. Бумаги, защищенные магией, для грабителей ценности не представляли, поскольку со смертью хозяина печати меняли цвет, а прочая защита не позволяла воспользоваться бумагами, просто стянув их из поясной сумки или тюка.

Инира кивала, ахала, спрашивала гномов про условия кредитования в их банке и проценты по закладным. Сиг тоже слушал. Он уже понял, что, хотя они и стали невольными наследниками вымершей труппы, но вернуться к цирковому ремеслу не получится. Значит, нужно выбирать другой путь. Может быть, заняться перевозкой особо ценных грузов?

На пятый день гномы дружелюбно распрощались с циркачами. Кварт даже обменялся с самым молодым адресом «долгой почты». Ею пользовались путешественники, бывающие в одних и тех же городах. Письмо отправлялось на имя получателя в главное здание почты, а лишь появившись в городе, получатель забирал всю корреспонденцию разом.

Расплатились пассажиры узкой полосой пергамента с вписанной вечными чернилами суммой гонорара. Чек украшала переливчатая зеленая печать. Сиг, приняв чек, тут же спрятал его в тайничок, сделанный в одной из стоек фургона.

И одобрительно подмигнул юной напарнице.

Инира за эти дни немного отъелась. В дороге подогнала по фигуре еще несколько тряпочек из запасов труппы и выглядела почти хорошо. Только все время перескакивала с возбужденного ожидания встречи с женихом на уныние по поводу собственной внешности. Впрочем, мужчины охотно убеждали ее, что любой будет рад обнаружить свою невесту живой, пусть и немного похудевшей.

На шестой день они въехали в деревню, принадлежащую графству. К этому моменту маркиза вся извелась от нетерпения. Она готова была немедленно появиться в поместье и бросится на шею возлюбленному. Сигизмунд опасливо косился на нее, буквально не узнавая прежнюю спокойную и разумную девушку.

Посоветовавшись между собой и поразмыслив, друзья решили оставить Кварта в этой самой деревушке вместе с фургоном. А Сигизмунд и Инира, одевшись потеплее, отправились к поместью пешком. По дороге им встречалось на удивление много крестьянских телег, карет и возков, и все они ехали в поместье.

– Странно, – удивлялась герцогиня вслух, – в поместье словно большой прием. А праздника сегодня нет. Разве что именины у матушки или кого-то из сестер?

– Я не знаю, – отвечал Сигизмунд и прятал глаза. Он догадывался, что нежное сердечко его ученицы вновь получит удар.

Аннелора не хотела привлекать всеобщее внимание к своему плачевному виду, а потому к дому они попали вместе с одной из крестьянских телег. Сиг подхватил тяжелый мешок, оставив хрупкой девушке корзину с яйцами, и потянул Анни в кухню:

– В кухне все обо всем самыми первыми узнают, да и в покои легче попасть, – объяснил он свой маневр, и его спутница согласилась.

* * *

В кухне было шумно и чадно. Кипели огромные котлы, пыхтело в кадках тесто, брызгало горячее масло и кровь свежезабитых животных. Все слуги и повара

носились сломя голову, спеша выполнить множество дел одновременно. Сиг скинув мешок с плеч утянул ученицу в тихий уголок шепнув:

- Слушай! Сейчас все новости узнаем!

Анни замерла, едва не усевшись к нему на колени, и некоторое время прислушивалась к кухонному гаму, выделяя разговоры. Рядом остановились две зеленщицы, разбирающие пучки моркови:

- А невесту-то ты видела? - спросила молодая, но излишне полная женщина, у подруги.

- Видела-видела! Такая маленькая, темненькая, а голосок звонкий. Видать, привыкла командовать! - протараторила рыженькая в веснушках девушка и поправила сбившийся чепец.

- Говорят, купчиха она, - с сомнением протянула ее собеседница и, хекнув, опрокинула корзину в огромное корыто с водой.

- Купчиха - не купчиха, а сама видишь, сколько народу собралось! - рыжуха кивнула себе за спину и тут же перечислила: - Мяса пять туш завезли и живых перепелов дюжину корзин доставили. Сказали, невеста дюже любит перепелов с изюмом. И вообще... - рыженькая помотала грязной ладошкой в воздухе, обозначая жестом царящую вокруг суету.

- Так оно. И народу много и провианту, осенью одну капусту жевали. - Согласилась, отдуваясь, ее напарница. - А все ж не думала я, что граф наш вот так возьмет и жениться! - вдруг перевела она разговор, - прежнюю-то невесту месяц только как похоронили.

Глаза рыженькой мойщицы от любопытства едва не вылезли из орбит:

- Не слыхала, что другая невеста была! А кто? - рыжие кудряшки запрыгали по плечам, подчеркивая нетерпение своей хозяйки.

- Да камеристка госпожи Сибиллы пошептала, - толстуха понизила голос, но Анни хорошо ее слышала, - будто граф хотел на маркизе жениться, молоденькой

да хорошенькой. – Тут мойщица многозначительно взглянула на товарку и добавила: – Мы уж и дальние комнаты чистить принялись. Вроде как все у них к сговору шло, а она вдруг раз – и пропала!

– Да ты что! Украли? – у рыжея даже рот приоткрылся от изумления, а многострадальные овощи выпали из ослабевших рук.

– Не знает никто, – толстуха, с рыком подняла корзину из воды и поставила ее обтекать на специальную решетку в полу. – Как пропала она, граф тут же сестре отписал, чтобы срочно другую невесту подыскала, вдруг не найдут. Кредиторы-то уже и земли забрать грозились.

Рыжая печально покачала головой и даже сочувственно шмыгнула носом:

– Эх! И не нашли?

– Нашли. Через месяц почти. В реке. – Женщина горестно вздохнула и хлюпнула, выражая не то сочувствие, не то недовольство. – Говорят, мать даже смотреть отказалась, а отец только по родовому медальону опознал!

Замершая за холщовой занавеской Инира схватилась за грудь и застонала сквозь закрывшую рот широкую ладонь метателя ножей. Медальон, который упомянула служанка, давно украли, еще в карантине. Там у многих пропадали мелкие, но ценные вещи. Воришку пытались поймать, устраивали ловушки, потом махнули рукой, когда кражи прекратились. Выходит, вором была девушка?

Послушав разговоры прислуги еще некоторое время, Анни узнала о своем женихе много нового и крайне нелицеприятного. Слуги легко болтают о господах, которых не уважают.

Ее невольно просветили и насчет скверного характера молодого наследника. Поведали, как он хватал служанок в темных углах. Нервным шепотком рассказали, о том, что юный граф увеличивал долги семьи, устраивая многодневные гулянки в столице, разбивая в процессе бутылки драгоценных вин о головы лакеев.

Особенно подробной оказалась информация про мегеру-мамашу и нервных, болезненных сестер графа Бедсфорда, изводящих малочисленных служанок истериками и капризами. Стоило кухаркам услышать звон побитого бронзового колокольчика, как они вздрагивали и, осенив лица знаком Светлых, бросали жребий – кому идти «в комнаты».

На кухне болтали даже про то, что отец нынешней невесты дал за ней приданого более миллиона! Закатывая глаза от восторга сухопарая, ключница перечисляла штуки дорогих тканей, связки мехов и серебряную посуду, которую молодая привезет в поместье по договору.

Правда, как негромко подхихикивая проболтался смазливый юнец, приходящийся графине троюродным племянником:

– По условиям контракта распорядиться всеми деньгами будет жена. До рождения наследника граф не получит на руки ни монетки! Даже его векселя тесть не погасил, а только выкупил! – выпалив это юноша в потрепанной секретарской мантии залился злорадным смехом похоже графская семейка достала и его.

Услышав последнюю фразу, Сиг хмыкнул и шепнул:

– А папаша новой невесты не дурак. – Потом потянул Иниру на улицу и свернул к навесу, под которым лежало только что привезенное сено. – А ты, выходит, знатная дама?

– Ничего не выходит, – Инира устало опустилась на корточки, как привыкла делать в карантине, урывая минутку для отдыха. – Ты же слышал, знатную даму месяц назад выловили в реке.

На ее бледном, осунувшемся личике резко проступили скулы, и девушка неожиданно стала выглядеть значительно старше и горше. Посидела, потерла ладонями лицо, и сиплым голосом попросила:

– Давай здесь немного пройдемся. Сегодня свадьба, на нас и внимания не обратят.

– Хорошо, – Сиг встал и протянул Инире руку. – Только пообещай, что метать свое железо в невесту не будешь.

Девушка криво улыбнулась уголком губ и сказала:

– Обещаю. Если захочется метнуть – возьму твое.

Метатель ножей усмехнулся и под руку повел юную маркизу осматривать поместье. Инира шла, глядя по сторонам, и с каждым шагом наивные мечты маленькой девочки осыпались с тихим звоном к ее ногам. Она повидала достаточно больших домов, чтобы увидеть то, что старались скрыть недорогими украшениями из еловых ветвей, перевитых полосками яркого ситца.

Огромный дом пустовал, как выжженная холодом и ветрами пустошь. Его величие давно миновало. Кухня с ее огромным прожорливым очагом оказалась самым обитаемым и теплым местом в поместье. Плотно запечатанные ставни, покосившиеся двери и осыпавшиеся элементы декора спрятанные венками и гирляндами, выглядели, как замазанные косметикой морщины на лице пожилой прелестницы.

На крыше пустующего крыла росли кусты-самосейки. Наспех вычищенная подъездная аллея демонстрировала трещины и ямы, которые два деревенских увальня спешно засыпали песком, торопясь поспеть к приезду важных гостей.

В холле слышался чей-то истошный визг. Сигизмунд подвел спутницу к приоткрытому окну, чтобы послушать. Оказалось, это вопит графиня, требуя что-то срочно сделать в ее покоях.

Почтительный сын отвечал ей, дескать, с минуты на минуту приедет невеста, и лучше бы маменька оценила его жертву и перестала действовать на нервы.

В ответ графиня запустила в любящего сына медной вазой и разодрала в клочья носовой платок из тонкого батиста.

Разговор любящих родственников завершился взаимными проклятиями, разрушающими тишину старого дома.

Инира возблагодарила Светлых за то, что графиня вопила достаточно далеко от входной двери: звук резал уши даже на расстоянии.

Повидав несостоявшуюся свекровь, она решила посмотреть на купеческую дочку, для которой отец купил титул за миллион. Выказав идею Сигу, она нашла в его лице поддержку. Метатель ножей был рад, что девушка не воеет от горя и вообще неожиданно отыскала в происходящем что-то забавное и смешное.

Поразмыслив, парочка взобралась на присыпанные снегом башенки, украшающие крыльцо, и затаилась в глубоких нишах. Вскоре от ворот прибежал мальчишка в слишком просторном тулупе и закричал, размахивая желтой тряпицей:

- Едут, едут!

Тотчас изо всех дверей громко переговариваясь повалили слуги. Женщины нетерпеливо поглядывали на подъездную аллею, а мужчины хмуро оглядывались на теплую кухню – колючий ветер раздувал потертые кафтаны и даже в овчинных жилетах было зябко.

Последним на крыльцо выполз чопорный старик в бордовом камзоле, расшитом посеченной золотой нитью. Он подслеповато оглядел суетящихся людей, громко хмыкнул, заставив окружающих посторониться. Потом, кряхтя, распахнул скрипучие потрескавшиеся двери.

Склонившись над объемным тюком, ветхий дворецкий продемонстрировал окружающим залатанные на стратегических местах штаны и несвежую рубаху. С помощью двух мальчишек он раскатал новенькую суконную «дорожку». Потом выпрямился и, не теряя достоинства, замер у дверей с видом если не самого графа, то уж точно его родственника.

Переговаривающиеся кухарки, конюхи и лакеи столпились у крыльца. Морщась от резкого ветра, лузгая семечки и орешки они обсуждали приближающуюся вереницу экипажей, не стесняясь в выражениях.

Рассматривая их, Инира окончательно убедилась, что графство переживает не лучшие времена: в доме ее отца лакеи и горничные каждые полгода получали

единообразную форму из покупных тканей, а кухонные работники простые домотканые штаны и куртки.

Сейчас же перед ней предстали кое-как одетые люди, явно использующие каждый клочок ткани для тепла. Особенно отличилась крепкая старушенция с ореховой палкой в руках: каждая заплатка на ее пестром одеянии была не только аккуратно пришита, но и простегана затейливым узором.

Ини даже увлеклась, рассматривая фигурную стежку, но тут раздался стук колес по обледеневшим камням. К дому приближался целый караван карет, телег и повозок.

Первой подкатила огромная цветастая карета, запряженная сразу восьмериком массивных тяжеловозов.

Холеные лакеи, спрыгнувшие с запяток, сморщили носы на окружающий пейзаж и раскатали собственную дорожку поверху уже постеленной.

Потом один опустил подножку, другой распахнул дверцу и помог выбраться среднего роста мужчине в сером дорожном плаще и бархатной шляпе с небольшим пером.

Мужчина оглядел жиденькую толпу встречающих и повернулся назад, помогая выбраться невысокой упитанной брюнетке с капризным личиком.

Инира, взглянув на нее, едва подавила нервный смех: купеческая дочка была старше графа лет на пять и, судя по ее виду, заранее все вокруг презирала за отсутствие позолоты.

В это время двери дома вновь распахнулись. На крыльцо пожаловал граф Бедфорд в сопровождении своей матушки и сестриц.

Инире вновь стало смешно: ее больше не очаровывали светлые локоны и голубые глаза. Зато тщательно скрываемое омерзение она рассмотрела. А уж вздернутые к серому ноябрьскому небу носы его сестриц и графини-матери не заметил бы только слепой.

Однако купец не стал разводить реверансов:

– Приветствую вас, граф. Дамы... – Он чуть поклонился и продолжил разговаривать с юным сребролюбцем, как с равным. – Мы устали с дороги и хотим отдохнуть. Жрец едет в следующей карете. – С определенным грубым намеком: – Полагаю, у вас найдется комната для служителя Светлых?

– Несомненно. Прошу вас, мэтр Фабьо, – Фредерик сложил губы в любезную улыбку и пригласил купца и его дочь войти в дом, стараясь не слышать стонов графини о том, что проклятая купчиха впервые ступает невестой в родовое жилище графов Бедсфордов.

Едва главные участники церемонии встречи скрылись, как из остальных карет и экипажей повалили гости, слуги, конюхи и Светлые Боги знают, кто еще. В поднявшейся суете Инира и Сигизмунд выскользнули из башенок и неторопливо удалились из поместья через поваленный забор, дабы не привлекать внимание челяди.

* * *

Часть пути до деревни Инира молчала, не отзываясь на попытки Сигизмунда разговорить ее, а потом вдруг спросила:

– Сигизмунд, значит, на мне правда был приворот?

– Правда, – вздохнув, ответил циркач.

Девушка некоторое время шла молча, роняя на лохматый мех полушубка крупные как горох слезы. Потом немного успокоившись, перевела разговор:

– Сиг, а сопровождающим караваны много платят?

– Смотря что везет караван, – пожал циркач широкими плечами, поглаживая усы, перетекающие в аккуратную бородку. – И смотря куда.

Инира закусила губу и выпалила:

– Например, если мы возьмемся сопровождать тех самых гномов, везущих шкуры?

– Очень мало. Гномы и сами отличные воины. – Сигизмунд понимающе посмотрел на девушку. – Кроме того товар не дорогой, и нападать на них большого смысла нет. Да и нас троих для полноценной команды мало. Оружия почти нет, обучения никто не прошел...

– Обучения? – Инира ухватилась за знакомое ей слово, как за спасательный канат.

Сигизмунд неторопливо и обстоятельно пояснил:

– В паре крупных городов есть школы наемников. Еще есть школы телохранителей и охранников – даже приказчику, сопровождающему груз, надо многое знать о ценах и качестве товаров, о пошлинах, – мужчина махнул рукой так отчаянно, что девушка догадалась – когда-то Сиг пытался стать приказчиком, но почему-то не получилось.

Не желая продолжать болезненную для друга тему, она тем не менее продолжила беседу, другого источника информации у нее сейчас не было:

– А дорого это – учиться в такой школе?

– Недешево, – шагая по дороге Сиг ухитрился отыскать на обочине несколько кистей подмороженных ягод. Теперь он тянулся за самой аппетитной гроздью и слова выходили слегка неразборчивыми. – Но для оплаты можно взять контракт.

– А что такое «взять контракт»? – спросила Инира, отщипывая твердую, как бусина, ягодку от предложенной циркачом ветки.

– Это значит договориться с будущим нанимателем: он оплатит учебу, а потом ты обязан отработать на него столько, сколько договорились. – Сигизмунд бросил в рот ледяную ягодку и прикрыл глаза от удовольствия. – Обычно три-четыре года.

– Без оплаты? – в голосе девушки прозвучало недовольство.

– Почему без оплаты? – Удивился циркач. – с оплатой и содержанием. Просто наниматель требует, чтобы ты учился лучше всех, например. Или знал секреты особого боя. Это как договоришься.

– Понятно, – Ини с облегчением кивнула и вновь плотно занялась зимним виноградом.

– Инира, а ты к родителям вернуться не хочешь? Ведь они будут рады, и ты вернешься к прежней жизни.

– Нет, Сиг, не вернусь, – девочка резко дернула плечом, словно сбрасывая что-то. – Я хочу все забыть, начать с чистого листа. – Девушка горько искривила обветренные губы: – невеста графа Бедсфорда умерла, пусть он наслаждается тем, что имеет.

– Да причем тут граф? – удивился метатель ножей. – Ты о родителях подумай!

– Подумала. – Резко ответила Инира, начиная трястись словно в лихорадке: – Они тоже хотели меня замуж выдать. За сына герцога.

– И что в этом плохого? – циркач все еще был в недоумении.

– Я просто не хочу, не хочу, не хочу! – девушка кричала так громко и так надрывно, что метатель ножей поспешил свернуть разговор и побыстрее напоить Иниру горячим настоем с кошачьей травой.

Позднее Сиг еще не раз пытался вернуться к этой теме, но Инира закрыла эту дверь и шагнула в другую, а оглядываться назад не хотела.

Инира

Едва за Старым Башмаком закрылась дверь, как Инира воткнула кинжал в стол. После короткой паузы хрустнула яблоком, следом стукнула скамьей... Потом вдруг длинным мягким прыжком переместилась к двери и резко ее распахнула. Двое мужчин свалились к ее ногам:

– Так-так, и что мы тут делаем? – раздавшийся в плечах Кварт приподнялся с пола и пихнул в бок все такого же стройного, но слегка постаревшего Сигизмунда.

Тот, спокойно улыбнувшись, сказал:

– Ждем обещанной гулянки.

– Под дверью? – Девушка вопросительно-удивленно подняла бровь.

– Тренируемся ползать на четвереньках. Если эль будет так же хорош, как в прошлый раз, это умение нам пригодится, – ухмыльнулся в ответ Кварт, отстраняя наемницу и устремляясь к накрытому столу.

– Нахал, – Инира покачала головой и тоже подошла к столу. – Все слышали?

– Половину, – жизнерадостно возвестил Кварт и впился зубами в свиную ножку.

– В общем, Башмак контракт предлагает. – Инира глубоко вздохнула и уточнила: – От графа Бедсфорда. Сопровождение кареты и малый груз, в столицу.

Сиг поднял голову от блюда с копчеными крылышками и пристально посмотрел на молодую напарницу. Тайну ее происхождения он сохранил, но по давней привычке наставник старался оберегать от любых напоминаний на эту тему.

Года три назад бывший циркач, а ныне наемник в солидной команде, Сигизмунд женился. Его избранницей стала на длиннокосая тихая женщина, овдовевшая вовремя провода командой большого каравана.

Юная и застенчивая, она покорила огрубевшего в походах циркача тем, что до последнего пыталась спасти мужа, умирающего от сильных болей в животе. Лекаря в караване по той поре не было, а все попытки опытных путешественников помочь ни к чему не привели.

Теперь его жена и маленький сын жили в этом самом городе у границы трех королевств. Здесь располагалась таверна, в которой работники меча ждали найма.

– А сколько предлагает? – спросил Кварт, не отрываясь от еды. Бывший канатоходец потерял гибкость и легкость фигуры, зато нарастил неплохие плечи и подкачал живот.

– Пока не знаю. – Девушка с хрустом откусила от яблока большой кусок. – Башмак сообщил, что Его Светлость ждет меня завтра в доме губернатора.

– Хочешь взять контракт? – Сиг был полон скептицизма.

Он, несмотря ни на что, регулярно собирал новости и слухи из столицы. Знал, что родители Иниры-Аннелоры живы и здоровы, готовят к наследованию титула племянника герцога, понимая, что большего им не осталось.

– Возможно, – наемница поморщилась. – Он меня не узнает, а мне любопытно посмотреть, с чего его вдруг занесло в эти края.

Бывшая невеста графа Бедсфорда все же не смогла отказать себе в удовольствии наблюдать издали за жизнью бывшего возлюбленного.

Знала она и о рождении у него наследника. Знала, что тесть устроил его на королевскую службу. Не бумаги перебирать, а развозить ценные посылки и награды. Должность эта была хоть и хлопотная, но хлебная: дворяне, получившие королевскую милость, не скупятся на подарки гонцу.

И для охраны граф Бедфорд всегда имел взвод королевских гвардейцев. Спрашивается, зачем ему наемники?

Примерно такие соображения Инира изложила напарникам и вновь угрюмо замолчала. Легкомысленный Кварт попытался сделать вид, что размышляет, но телятина в остром соусе интересовала его гораздо больше.

А вот Сигизмунд начал вслух перебирать ближайшие события королевства, пытаясь понять, для чего королевскому порученцу понадобились наемники:

– Король у нас молод, жив – здоров и правит неплохо. Весна нынче дружная, и дороги уже обсохли. О болезнях не слышно. Мелкие стычки с хизардцами – как всегда... Что в таком случае загнало королевского посланника на границу трех королевств?

– Так это и загнало... – задумчиво сказала Инира, оживляясь. – Помнишь, зимой посол в Квариллию проезжал?

– Помню. Караван был впечатляющий, но охраняли все гвардейцы. Нашим парням только поглазеть осталось. – Сигизмунд вопросительно уставился на напарницу.

– А ехал посол с предложением от нашего короля к тамошней принцессе, – Пояснила Инира принимаясь играть своим любимым кинжалом.

– Думаешь, – Сиг взял кружку и отхлебнул пива, потом отер уголком платка свои щегольские усы: – граф везет официальное согласие?

– Нет. – Инира наколола на кинжал еще одно яблоко и задумчиво отрезала ломтик. Стоило наемнице задуматься, перестать себя контролировать и на свет Божий всплывали манеры, затверженные в детстве. – Бумаги, скорее всего, посол и привез. А вот нечто весьма необходимое для королевской свадьбы, но маленькое и легкое...

– Ты думаешь, он везет... – Сигизмунд привстал, страшась собственных предположений.

– Драгоценности для королевской короны, – кивнула девушка.

Сиг откинулся на спинку простой деревянной скамьи и задумался: получалось, что девочка права! По традиции, если женится не наследный принц, а король, для него и его супруги изготавливаются новые короны. Конечно, они как всякие коронные драгоценности, украшаются самыми удивительными и необычными самоцветами.

Самые лучшие ювелиры могут приехать в столицу и изготовить необходимое даже в королевском дворце, но вот камни? Редкие и необычные камни нужно

где-то взять. Конечно, молодой король, делая политическое предложение принцессе соседней страны, не может вынуть камни из корон предков. Как же быть?

И тут Сигизмунд вспомнил, что буквально неделю назад он получил письмо от гнома, с которым познакомился в день выезда из карантина. Мартин писал, дескать, их команда отправляется в Пограничье. Люди, мол, нашли странное месторождение камней и, не справившись с разработкой, обрушили шахту. А ворчащие гномы пришли на помощь за процент в разработке!

- Инира, а Мартин, когда письмо прислал? - Сигизмунд, прищурившись глянул на девушку

- Дней шесть - семь назад, - ответила она, откидываясь на лавке.

- И шло оно дней десять, - Сигизмунд начал загибать пальцы пытаясь прикинуть время, - сначала спуск с горы, дня три-четыре. Потом еще караваном с неделю.

- Да. - Девушка помолчала, собирая известные ей концы. - Думаешь, они наткнулись на жилу в Пограничье?

- Скорее всего. И по традиции... - наемник выдержал паузу, давая девушке возможность вспомнить законы государства.

Инира закатила глаза и фыркнула. По традиции, выработка рудника за первый рабочий день шла в королевскую казну и обычно была мизерной.

Традиция блюлась скорее ради самой традиции: поработали часок - и праздновать. Но тут жила уже была открыта, изучена... значит, результатом стали камни, вполне достойные королевской короны.

Получается, именно граф Бедфорд должен был доставить их в столицу. Вот только почему один?!

В итоге, обнаружив банальную нехватку информации, наемники продолжили ужин. Отхватывая ножом очередной ломоть мяса, Сиг упорно размышлял, к кому можно обратиться за подсказками. Кварт прикидывал, где бы отыскать

сговорчивую девчонку на пару дней до следующего найма. Инира же больше запивала горящую в душе боль.

* * *

Не раз и не два, когда жизнь припирала самоуверенную девчонку к стенке, ей хотелось вернуться в большой красивый дом, под крылышко горящих родителей. Лишь гордость и стыд удерживали ее от последнего шага.

Появившись в школе телохранителей, девушка слишком поздно узнала, что не сможет ее покинуть в течение трех лет, пока не получит хотя бы начальное образование. А еще, наставник по любовной магии и приворотам на первом же занятии едва ли не за руку привел ее в храм:

– Тебе нужна помощь служителя Светлых, – пояснил он, – твоя аура опутана почти снятым приворотом.

– Наставник, – Инира растерялась, – разве вы не можете снять приворот сами?

– Он уже снят, – покачал головой еще не старый крепкий мужчина, – ты просто сама не отпускаешь его, а в этом я помочь не могу.

Инира давно не бывала в храме. Раньше она вместе с родителями присутствовала на торжественных службах в домашней часовне. Иногда ездила с ними же в большой храм в ближайший город, но эти поездки были редки.

Теперь же она стояла в наполненном светом храме и не знала – что ей говорить или что просить. В углу за колонной отодвинулась тонкая занавеска и в полосу света вступил пожилой жрец в простой желтой одежде:

– Приветствую тебя, дитя Света! – негромко сказал он.

Инира привычно сложила ладони «лодочкой» и приняла благословение знаком разделенного круга.

– Зачем ты пришла сюда? – спросил жрец, глядя на девушку кроткими голубыми глазами.

Эти глаза так напомнили ей Фредди, что девушка неожиданно разрыдалась и принялась в захлеб рассказывать жрецу о своей обиде:

– А потом он забыл меня...Совсем!

Жрец дал девушке выговориться и выплакать свое горе, а потом просто угостил традиционным храмовым подаянием – простой булочкой с сахарной глазурью.

Съев кусок пропеченного сдобного теста, Инира неожиданно успокоилась и поблагодарила жреца за помощь. Он ласково благословил ее и пригласил заходить в храм в любое время, когда ей понадобится помощь.

Когда девушка, умывшись ледяной водой вернулась на занятие наставник удовлетворенно кивнул: здоровью его ученицы больше ничего не угрожало.

Потом Ини еще не раз заглядывала в храм, беседовала с добрым голубоглазым жрецом или просто стояла под взглядами Светлых напиваясь небесным покоем. Ей казалось, что они смотрят на нее с отеческой заботой и легкой насмешкой, как заботливые родители на расшалившееся дитя, а девушке не хватало родительской заботы и участия.

Тот же самый жрец провожал ее на первое задание, осенив знаком Светлых:

– Да пребудут с тобой Светлые, дитя, – сказал он, вручая строптивой подопечной традиционную булочку.

– Спасибо, – кивнула Ини в ответ, – но воинам покровительствует Звездосветный...

– Пусть все Светлые не оставят тебя, – добро улыбнулся старик и добавил с хитринкой: – даже Розосветная Эр!

Инира вспыхнула – Розосветная считалась покровительницей любви. Смущенно скомкав прощание молодая, телохранительница покинула школу, но черствую

булочку долго возила с собой как память.

Когда имя Иниры стало что-то значить среди профессионалов она уже не желала возвращения домой по другой причине: ощутив себя нужной, способной, растеряв прежний лоск, она решила, что нашла свое место в этой жизни.

Лет через пять после побега, она случайно встретила на рынке бойкую молодуху с огромной корзиной и малышом, цепляющимся за материнскую юбку. В ней Инира узнала горничную леди Аннелоры и побоялась подходить. Зато попросила посмотреть за молодой Сигизмунда.

Напарник и учитель просьбу начинающей телохранительницы выполнил. Проводил женщину до дома. Потолковал с соседями и мужем. Узнал, что после пропажи юной маркизы всю ее прислугу перевели в отдаленное поместье, либо рассчитали, выплатив хорошие отступные.

В тот день Инира впервые сознательно утопила воспоминания в крепком дешевом пойле из ближайшей таверны. Наутро головная боль, никуда не девшиеся воспоминания и чувство вины вразумили ее настолько, что девушка собралась написать родным. Увы, в этот момент ее отыскал учитель из школы телохранителей и сообщил, что для их команды есть контракт. Благие намерения были похоронены на месте.

* * *

Пирушка в отдельном кабинете продолжалась недолго. В густой темноте весенней ночи, друзья и компаньоны разошлись по своим домам. Утром они вновь собирались встретиться в этой таверне, чтобы обсудить новый заказ. Утро способно придать мрачным краскам ночи новый цвет. Возможно, Инира решит отказаться от заказа, а может граф найдет повод взять другую команду, а может... Так или иначе миру требовались его часы тишины и ночь благосклонно распахнула над городом свое покрывало.

Сигизмунд отправился в домик, купленный на скопленные за годы наемничества деньги, к жене и сыну.

Кварт свернул на улицу «красных фонарей» и, насвистывая, углубился в хитросплетение крылечек, галерей и садов.

Инира вышла на улицу, постояла немного, неторопливо натягивая перчатки, затем перешла улицу и приблизилась к крепкому трехэтажному дому, знававшему лучшие времена. Здесь она снимала две комнатки на чердаке, и за последние три года эта мансарда стала ее самым долговременным жилищем.

Войдя с прохладной улицы в теплый холл, Инира огляделась: хозяйка дома еще не спала. Сидела тихонько в старом кресле и позванивала спицами, вывязывая очередную пару теплых носков.

– Добрый вечер, мистрис Айн, – Инира вежливо поздоровалась, помня, что квартирные хозяйки трепетно относятся к любезностям.

– Добрый вечер Инирочка, ужинать будешь? – старушка приветливо закивала головой, опуская вязание в подол.

– Нет. Спасибо, мистрис Айн, я уже поела. Камил пришел? – если напарник задержался, придется ей самой заняться ужином.

– Наверху уже. Булочек с чаем спросил, да книжек целую стопку притащил. – сообщила хозяйка дома.

– Спасибо, – Инира устало поднималась по лестнице и думала о том, что сейчас, пожалуй, родители не приняли бы блудную дочь ни за какие коврижки.

Камил считался ее любовником уже больше семи лет. Иногда Кварт или Сиг с усмешкой спрашивали: когда же они пригласят друзей на свадьбу и нарожают маленьких Камилчиков? Оба телохранителя отшучивались и продолжали жить вместе.

Тогда, почти пятнадцать лет назад, приняв решение, Инира начала его воплощать. Получив деньги за доставку груза и гномов, отправилась в ближайший город, в котором была школа телохранителей.

Поросший крапивой, высоченный забор скрывал двор школы от посторонних взглядов. У ворот стоял огромный мужик в тяжелом даже на вид панцире. Сига и Кварта он легко пропустил внутрь. Зато Инире, выглядевшей, как растрепанный мальчишка, плюнул под ноги и посоветовал проваливать:

– Сопляков в этой школе не учат, шкет!

Слезы навернулись на глазах девушки, она сглотнула, пытаясь удержать горячие соленые капли, но неожиданно услышала за спиной:

– Сайрус, пропусти леди и учти, что я не забуду.

Здоровяк заметно спал с лица и пропустил в ворота Иниру вместе с идущим следом щуплым пареньком в красивой дорогой шубе.

– С-спасибо, – голос Иниры прерывался, нос хлюпал, но она чувствовала себя обязанной поблагодарить.

– На здоровье. Хочешь учиться? – паренек окинул девушку взглядом.

– Да, – хлюп удалось сдержать, но голос еще дрожал.

– Отец сейчас в конторе, – парень указал рукой на аккуратную пристройку к длинной каменной казарме. – Пойдем, провожу.

Так Инира познакомилась с Камилом и следующие два года виделась с ним едва ли не ежедневно. Хрупкий с виду мальчишка оказался сыном владельца школы телохранителей и кладезем всевозможных знаний.

В школу телохранителей приняли только ее. Кварту и Сигу посоветовали обратиться в школу наемников:

– Вы слишком стары для нас, ребята, – сказал им мэтр Сакр, усмехаясь в роскошную черную бороду.

Кварт было надулся, но Сиг хлопнул его по плечу, улыбнулся и поблагодарил мэтра за добрый совет. Через три часа циркачи обживали казарменные койки в

школе наемников, обучение в которой занимало всего полгода.

А Инира в это время уже выслушивала первые комментарии от наставников, пробегая полосу препятствий. Ей предстояло три года ежедневных занятий и на выходе – контракт из рук того, кто пожелает нанять выпускника школы.

* * *

Через полгода Кварт и Сигизмунд получили свой первый контракт. Выполнив его, они смогли вернуть школе потраченные на их обучение деньги.

Инира скучала по друзьям. Ей не хватало дружеского общения, подколок, шуток, дружеской заботы. К тому же наставники быстро выработали в ней осторожность довольно жестокими методами: угощая пирожками с сильным слабительным во время дружеской беседы. Или утаскивая в угол с мешком на голове, чтобы окунуть пару раз в бочку ледяной воды.

Стоило чуть расслабиться, как немедленно следовал «урок осторожности». Через полгода Инира уже не удивлялась тому, что часть учащихся ест только вареные яйца и собственноручно сорванные яблоки. А некоторые выпаривают для питья колодезную воду, неотлучно находясь у аппарата.

Впрочем, через год «уроки осторожности» от наставников прекратились, зато их активно принялись организовывать однокурсники.

Школа телохранителей готовила одиночек. Подготовка у всех была разная. Групповых занятий почти не было, но казарма и широкий двор давали обширное поле для мелких пакостей.

Единственным неприкосновенным местом для «шуточек» становился сундучок с личными вещами и кровать, их специально зачаровывали наставники, иначе, пожалуй, школа не выпустила бы ни одного телохранителя в здравом уме и твердой памяти.

К исходу второго года обучения все чаще Инира приходила в маленький дворик, где занимался Камил.

– Кам, а почему ты не берешь контракты? – спросила она однажды, наблюдая, как парень бросает в колоду небольшие топорики, стараясь разбить обрубок бревна в щепу.

Камил хмуро глянул на нее, а потом неожиданно улыбнулся:

– Подслушивала?

– Вот еще, – Инира фыркнула и, в свою очередь, принялась метать небольшие острые стрелки в мешок, набитый опилками. – Просто твой отец так орал, что слышно было даже на улице.

– Все просто, я жду, – парень скривил губы в ухмылке и в три броска расколол несчастный чурбана мелкие полешки.

– Чего? – девушка искренне удивилась.

Приятелю недавно предлагали контракт на охрану весьма важной в городе персоны.

– Настоящего дела, – Камил сменил топорики на узкие стилеты, втыкая их в обозначенные красной краской точки на мишенях.

– Но мэтр Сакр... – Ини по-прежнему была в недоумении

– Пригрозил меня выгнать из дому, – Камил бесшабашно улыбнулся и махнул рукой показывая, что ему все равно.

– Что же ты будешь делать? – теперь в голосе девушки звучало озадаченное беспокойство.

– Уйду жить к тебе. Пустишь? – Парень лукаво подмигнул напарнице.

Инира промахнулась и поморщилась:

– Уже разболтали.

– А как же! – Камил широко улыбнулся и повторил вопрос. – Такпустишь?

Инира с сомнением покачала головой и попыталась его отговорить:

– У меня только одна комната.

Улыбка Камилы стала еще шире:

– Не страшно. Приставать я не буду, а вот помочь тебе и твоим друзьям смогу.

– Помочь? – Инира удивилась.

– Давай не здесь, ладно? – Камил выпрямился и неожиданно запустил небольшой нож в забор. Металл тяжело стукнул в тонкую доску, и за преградой раздался короткий полустон-полувскрик.

– Ну вот, – Инира преувеличенно громко вздохнула мысленно хихикая. – Опять Жиар на одно ухо хромать будет.

– Ему полезно, вдруг совесть проснется, – сверкнул темными глазами Камил.

– Да ты что! Нет у него такой части в организме! – Инира сделала большие глаза и собрала из мешка стрелки. – Совесть ему только мешать будет, его контракт ведь главный судья выкупил.

Камил тихонько рассмеялся и сказал:

– Значит договорились? Загляну после занятий?

Инира пристально посмотрела на сына своего наставника и кивнула:

– Приходи. Можешь прямо с вещами, улица Серого Плаща, Сиреневый дом. – На том и простились.

Инира

В тот год будущей телохранительнице удалось наконец съехать из казармы. Для нее это стало важным событием: казарма есть казарма. Девушку смущали не столько общие банные дни и тонкие перегородки, сколько постоянное мужское внимание.

Иногда ей хотелось спрятаться в тихом углу от настойчивых подмигиваний, похлопываний и громких обсуждений ее стати. Но показать слабость было равносильно крупному просчету на тренировке – слабаков в школе не держали.

Старшие ученики Школы имели право подрабатывать вышибалами либо охранять купеческие лавки, вот она и нанялась в трактир. Условием оплаты стала комната под крышей и завтрак с ужином, без вина.

Комната, которую ей показал пройдошливый трактирщик, оказалось просторной, хоть и захлавленной. Хлам девушка выбросила и заплатила служанке пару медных монет за помывку пола и стен.

Отстояв «смену» у двери, вечером Инира уже вселилась, радуясь свежему соломенному тюфяку и чистой простыне.

В казарме о переезде мало кто знал. Большая часть младших учеников едва доползала до узких коек после занятий. Остальные, перешедшие на более высокую ступень обучения, относились к соседям достаточно равнодушно. Интересоваться прошлым соучеников было не принято. Только Камил знал про обитателей казармы все. Или почти все.

Тем вечером она, как обычно, стояла у дверей в трактир и небрежно чистила ногти маленьким, очень острым ножиком.

Сегодня в зале было довольно спокойно: гуляла небольшая компания студентов. Степенно распивали большую бутылку «гномьей водки» отмечающие сделку бородачи. Несколько темных личностей скользили у стойки, да пара гулящих девиц скучаяще болтала о модной в этом сезоне форме каблука. Все как обычно, и все же не совсем.

Ветхий старец тихо вошел в трактир, опираясь на посох. Его руки в старческих пятнах и согбенная спина, а, может, блеснувший на руке перстень с крупным красивым камнем заставили трактирщика выйти из-за стойки.

Старец, держась сухо и презрительно, затребовал еды и вина и был препровожден за самый дорогой стол заведения. Трактирщик даже лично обмахнул не слишком чистую столешницу и скомандовал разбитной служанке:

– Холстину подай!

Сверкнув черными блудливыми глазами, служанка принесла почти свежий кусок ткани и накрыла порезанную посетителями столешницу.

– Чего изволите откусать? – поинтересовался владелец заведения у необычного гостя.

– Чечевичную похлебку, – коротко ответил старик, обводя трактирный зал орлиным взором. – И вина подай.

Трактирщик тотчас повторил все служанке, подавая ей знак, что посетителя нужно принять по высшему разряду.

Девка шустро метнулась в кухню.

А когда вернулась, на подносе, кроме похлебки и вина, оказался свежий хлеб, кусок мягкого сыра, несколько ломтиков сала и мелко рубленая зелень, приправленная сметаной.

Старик одобрительно кивнул, кинул медяшку девке в передник и взялся за ложку.

Около получаса необычный посетитель ел и пил, тщательно, по-стариковски утирая рот полотенцем. Потом неожиданно отодвинул тарелку, положил на стол серебряную монету и направился к двери.

Темные личности у стойки оживились. Один из них, Лех Востроглазый, скользнул вперед, пытаясь выскочить во двор и встретить старца на спуске с крыльца.

Однако древний дедушка неожиданно ловко подставил свой посох под ноги слишком шустрому грабителю, и Лех шмякнулся в опилки, расквасив нос. Пока остальные темные личности не поняли, что произошло, Инира отворила дверь и проводила старца.

Расстроенный неудачей Востроглазый попытался на охранницу зашипеть, но она ласково приставила ему ножичек к горлу и спросила:

– Сколько стоит твоя поганая жизнь, за которую ты должен быть мне благодарен?

– С чего это? – опешил Лех.

– Этот дедушка – учитель в школе телохранителей! – Ини на миг замолчала, давая гопнику возможность осознать свою неправоту. И добавила, усиливая нажим: – Он Кейраном Медноголовым в свое время плац подметал, а ты решил его по голове ударить? Да завтра тут бы вся школа телохранителей пепел сеяла!

Трактирщик, услышав конец ее речи, вздрогнул и тотчас выставил Леха за порог, наказав не появляться неделю, а то и две. Обиженный кидала ушел, бурча себе под нос, а на скользнувшем навстречу ему худощавого парня с темными, как ночь, глазами никто уже и внимания не обратил.

Инира, увидев знаконца, поморщилась, но вручила Камилу ключ и кивнула на лестницу:

– Правая дверь на чердаке.

Парень кивнул, расцветая обаятельной улыбкой, и ушел, подмигнув на прощанье служанке у стойки так, что бедная девка споткнулась.

Охраннице еще предстояло через часок выталкивать в двери расшумевшихся студентов, утихомиривать разошедшихся «дам». Даже почтенным купцам, перебравшим «гномьей водки», она подсказала пеший маршрут, не включающий в себя ничего лишнего. Обычный вечер, рутина... кроме того, что в комнате ее ждал Камил.

Когда посетители разошлись – кто в клетушки на втором этаже, кто по домам – хозяин пересчитал выручку и спрятал в большой железный короб. Служанка и работник принялись убирать зал, выметая грязные опилки, собирая посуду и сгребая объедки в бадью.

Проводив трактирщика с деньгами до комнаты, Инира заглянула в кухню. Разжилась там у кухарки хлебом, холодным мясом, парой пирогов да кувшином остывшей медовухи и поднялась наверх.

Камил лежал на постели, скинув только сапоги, и сладко посапывал во сне. Девушка раздраженно взглянула на него и, подойдя к столу, громко стукнула тарелкой.

– Встаю, встаю, – с улыбкой в голосе мурлыкнул этот нахал и, потянувшись, вскочил. – Спасибо за ужин, – добавил он, разглядев миску с мясом, резную доску пирогов и медовуху.

– Это и мой ужин тоже, – буркнула она, снимая ремни и сапоги.

Хотелось в ванну, но где ж ее взять среди ночи? Хорошо, что за холщовой занавеской есть таз с водой и полотенце.

Парень захрустел хрящиком, откровенно ее рассматривая, а потом спросил:

– Инира, что ты делаешь в нашей школе?

– Учусь, – хозяйка комнаты пожала плечами и утопала за занавеску, прихватив старую рубаху Сига, которую он отдал в починку и забыл.

Когда она вернулась, одетая в длинную мужскую рубаху, вытирая влажные кончики коротких волос, Камил уже расправился с пирогом и половиной мяса. Откинувшись на скрипучую спинку стула, он прихлебывал из грубой глиняной кружки медовуху и пристально рассматривал ее, словно редкий клинок.

– Ты не похожа на деревенскую, слишком правильная речь и манеры, но и на купеческую дочку тоже не сойдешь.

- Это еще почему? - Ей стало любопытно.

В школу телохранителей принимали любого, не спрашивая о прежней жизни. Часто ученики носили даже не имена, а клички или прозвища.

Инира устало плюхнулась на лавку и потянулась к еде, слушая ответ.

- Твоя комната... В ней ничего лишнего: стол, кровать. Нет ни сундука, ни узлов с вещами...

- А, может, я еще ими не обзавелась? - предложила свежую версию телохранительница, выбирая пирожок порумяней.

- Все равно ты не купеческая дочь, - Камил упрямо мотнул головой и нацедил себе еще медовухи из кринки. Потом перевел взгляд на перевязь с ножами и кожаный жилет. - Ты ценишь хорошее оружие и качественные вещи, но не тащишь в свою жизнь хлам и тряпки.

- Ага, - Инира сложила руки на груди и, скептически хмыкая, пошла в атаку. - По твоему выходит, что я есть похищенная в младенчестве принцесса! Нежно любящая оружие и доспехи! Должно быть, меня воспитали горные тролли. Я сбежала от них и теперь скитаюсь по свету в поисках своего суженого - принца!

В ее голосе присутствовало как раз необходимое количество сарказма и насмешки, но Камил лишь поморщился:

- Я не собираюсь выбивать из тебя правду, просто хочу знать.

- Хотеть не вредно. - Инира тоже умела быть неуступчивой. - Лучше скажи, зачем ты привел учителя Меледа?

Камил развалился на скамье и ехидно улыбался, поблескивая глазами в свете единственной свечи:

- Не скажу! Но ты можешь попробовать догадаться...

Девушка равнодушно пожала плечами, и потянулась за куском мяса.

- ...Или выкупить знание за поцелуй, - добавил Камил.

Инира от возмущения едва не подавилась. Сдержалась, прищурившись, и так же ехидно выдала:

- Мой поцелуй, или той юной травницы, которая зачастила в школу?

Камил благосклонно кивнул:

- Квиты. Впрочем, я не сомневался в твоем уме и сообразительности. Наставник Мелед приходил посмотреть на тебя. Он хочет взять в свою группу нового ученика, точнее - ученицу.

Вот тут она оторвалась от смачного куска и уставилась на Камилу, удивленно подняв бровь:

- Откуда такая щедрость?

В ответ Камил лишь аристократично поморщился и махнул рукой:

- Я ушел от отца, но это не значит, что я ушел из школы. Буду натаскивать пяток сонных рож и получать скромную зарплату наставника.

- И будешь в курсе всех новостей Школы, - не удержалась Ини.

Камил опять кивнул:

- И это тоже, - затем вернулся к прерванному разговору: - Вообще-то Мелед давно к тебе присматривается, вот и решил проверить сообразительность.

Девушка вновь начала медленно жевать, размышляя на досуге. Кажется, ей удалось подняться выше, чем она планировала. Женщин - телохранителей вообще мало. В основном они служат у богатых дворянок, желающих подчеркнуть свой статус. При этом мало кто верит в их эффективность.

Еще модно выкупать в диких землях рабынь из воинственных племен и, вооружив их традиционным оружием, ставить подле кареты хозяйки или ее ложи в театре. Но это все сплошная экзотика, толку от них действительно немного.

Но есть класс телохранителей, которых готовы нанять за любые деньги все правители. Речь идет о телохранителях «семи учителей».

Охрана сама по себе включает в себя семь ступеней: дальний круг, средний и ближний. Пища, одежда, постель и, наконец, – магическая защита.

Первый класс телохранителей специализируется на дальней защите: их учат видеть стрелков с арбалетами на крышах, треснувшие балки и готовую осыпаться черепицу, им чаще других приходится закрывать подопечного своим телом, но и учеба на такого телохранителя длится год с небольшим.

Нанять телохранителя первого класса можно в любом городе, хотя это удовольствие недешевое.

Второй класс больше заточен под интриги, судейские разбирательства и вычисление спонтанных убийц. Телохранители второго класса чаще всего родом из мелкопоместных дворян или чиновников. Они добиваются большего личными связями и знанием законов, чем железом, хотя случается и мечом позвенеть.

Таких телохранителей любят нанимать престарелые дамы, запустившие хозяйство после смерти супруга, или молодые дворяне, обнаружившие что от их наследства, остались одни закладные. Обучение таких телохранителей часто оплачивают королевские кабинеты, дабы иметь под рукой свору крючкотворов и шпионов высокого класса.

Третий класс способен «просеять» ближний круг охраняемого, вычлнить интересы и течения внутри семьи или клана. Здесь женщины встречаются чаще, особенно авантюристки с любовью к интригам и амурным приключениям.

Как слышала Инира, немало таких телохранительниц вращается в свете под видом воспитанниц, любовниц и дальних родственниц. Особенно ценятся шустрые старушки, способные незаметно проткнуть потенциального убийцу вязальной спицей.

Четвертый – знатоки ядов и их компонентов. Кроме ядов, безусловно знают и противоядия.

Искусный телохранитель четвертого класса может изготовить и применить более трехсот разновидностей «тихой смерти». А еще они владеют техниками защиты от основных видов ядов, способны диагностировать способ отравления и оказать простейшую медицинскую скорую помощь до прибытия мага-лекаря.

Четвертый класс очень популярен среди знати и богатых негоциантов, но столь же редок, как белый лев, ибо наниматели предпочитают молчаливых.

Пятый – мастера маскировки. Они чаще других служат у высокопоставленных особ, позволяя им покидать дворцы и парки под чужими именами. Кроме того, этот класс телохранителей – непревзойденные лицедеи и шпионы. По осторожным разговорам, по меньшей мере пара телохранителей этого класса служит в Королевском театре.

Шестой круг – специалисты по тайникам и ловушкам. Их обязательно приглашают на постройку домов и поместий, чтобы они указали уязвимые точки, придумали ловушки, секретные хранилища, спроектировали подземные ходы и колодцы.

Седьмой круг – самые дорогие и опасные телохранители. Все вышеперечисленное они знают и умеют, да еще и умело дополняют «соусом» из магии.

Инира проходила обучение на первую ступень, самую доступную для начинающих. Но со второго полугодия, поднабрав физической кондиции, стала посещать мастера ядов, мастера грима и мастера-механика.

Магические способности у нее были на уровне «открыть засов, если очень-очень нужно». Наставники школы морщились, глядя, как она пытается применить простенький «огненный круг» или «мыльный пузырь».

Однако наставник Мелед был телохранителем седьмого класса и брал себе учеников сам. И если он возьмет Иниру к себе, хотя бы формально, издали присматривая за тренировками – ее статус неудержимо поползет вверх.

Камил, воспользовавшись задумчивостью девушки, забрался под одеяло и уже взбивал подушку, устраиваясь поудобнее.

– Камил! У меня только одна кровать!

– Так я разве против? Ложись рядом! – Темноглазый парень усмехнулся, но слабый свет свечи неожиданно сделал его очень взрослым и печальным.

Инира впервые подумала, что быть сыном владельца лучшей школы телохранителей в стране совсем не просто. Кто знает, сколько скелетов таят шкафы в чистеньком домике на школьном дворе?

Однако вариантов нет, больше лечь в комнате некуда. Отряхнув руки и накрыв салфеткой остатки ужина, она дунула на свечу. Постояла, чтобы глаза привыкли к темноте, и двинулась к постели. Камил лежал тихо. Повозившись, устроилась с краю, потом полежала, вслушиваясь в его мерное дыхание, и услышала:

– Спи. Я же сказал, что приставать не буду.

– А если я к тебе пристану? – спросила она из любопытства, но честно стараясь скрыть свой интерес.

– Тогда уснешь принудительно, – Камил зевнул и отвернулся.

Ему стоило верить, он был мастером.

– Ясно. Доброй ночи! – Инира подтянула к себе одеяло и закрыла глаза.

– Доброй, – невнятно раздалось за спиной.

Почти задремав, девушка вдруг проснулась, пронзенная внезапной догадкой:

– Камил, – она сказала это шепотом, но в ночном здании шепот прозвучал как гром. – Камил, а где твоя мать?

В кровати повисла напряженная тишина. Потом телохранитель повернулся, с шумом сминая простыни, и все же ответил:

– Ушла. Давно. Я ее не помню. – он старался говорить сдержанно, но в его речи пробивалась давняя боль.

– Совсем? – Инира удивилась.

– Совсем. – Камил был краток.

– А кем она была? – Ини старалась говорить сдержанно.

Напряжение в голосе парня ощущалась как скрип ножа по тарелке:

– Дочерью барона Буржо.

– Так ты дворянин? – девушка искренне удивилась.

– Нет. – Камил ответил коротко и зло. – Отец был простым телохранителем. Мать сбежала с ним, родила меня, а потом вернулась к семье.

– Ты ее никогда не видел? – негромко спросила Инира, стараясь сдержать обычную женскую жалость.

– Нет. Через год ее выдали замуж за ровню, а еще через год она умерла родами вместе с ребенком. – Телохранитель излагал все кратко, словно стремился сократить разговор.

Инире было страшно даже представить, какую боль и разочарование носит в себе весельчак и балагур Камил, думая, что мать бросила его. Столько лет ходить по земле, не имея возможности спросить – почему? Такой камень способен раздавить или помочь накачать мышцы.

– Она любила тебя, – сказала девушка негромко. – Если бы не любила, забрала бы с собой. Бастарды дочерей в аристократических родах долго не живут. Чаще всего позор убивают вместе с матерью.

Тишина за спиной стала почти зловещей, но Ини продолжила:

– Скорее всего, она вернулась в семью, потому что ее нашли и угрожали убить твоего отца. Потому и замуж вышла. Наверняка твой отец тогда только открыл школу?

– Да. – Голос Камила стал сиплым.

– Значит, все так и было. – Ини пожала плечами, подчеркивая уверенность в своих словах. – Она потребовала выкуп за свое возвращение. И отдала его мэтру Сакру. Поэтому ты жив, у тебя всегда была крыша над головой, а твой отец смог начать свое дело.

Камил часто задышал, не в силах справиться с волнением. И даже попытался выбраться из кровати, чтобы выбежать из комнаты.

Инира быстро обернулась и обняла его, прижала к плечу лицом, позволяя выплакать жгучие мужские слезы.

О, Камил делал вид, что пытается вырваться! Но Ини прекрасно знала разницу между девчонкой-недоучкой и мужчиной, тренированным с детства. Поэтому просто гладила увлажнившиеся черные кудри и тихонько мурлыкала колыбельную без слов.

В этих объятиях не было тяги женщины к мужчине, была лишь извечная материнская нежность к сирым и обиженным. Где-то через полчаса рыдания затихли, и они уснули, спаянные расколотой наконец скорлупой многолетней боли и обид.

Утром Инира ушла на занятия еще до того, как Камил открыл глаза. К вечеру раскрытые секреты забылись, потускнели и стали историей, которую вспоминать так же больно, как шагать по острым осколкам мурранского стекла.

Королевский дворец

Монарх Вадеры сидел за длинным столом в зале совещаний и обсуждал с королевским советом важнейшие на данный момент вопросы: королевскую помолвку и королевскую свадьбу.

За окнами, прикрытыми слюдяными пластинами в частых переплетах, еще бушевал ледяной ветер. А в самом старинном зале дворца уже царила весна. Пылали два огромных камина. В вазах благоухали оранжерейные цветы и фрукты, а на стенах блестела резьба в виде цветочных гирлянд.

Верховные лорды, одетые в разноцветные камзолы с модной в этом сезоне отделкой из серебряных листьев и мелких каменных цветов, напоминали стайку юных вертопрахов, собравшихся на променад.

Но брови их были нахмурены, крепкие руки частенько сжимались в кулаки, а губы изгибались в самых зверских гримасах. Здесь ни много ни мало решалась судьба королевства!

Договор о помолвке с принцессой Квариллии королевский советник лорд Арккард привез еще в начале осени. Но официального объявления все еще не было, потому что стороны никак не могли договориться о мелочах.

И эти мелочи сводили с ума не только Его Величество, но и весь совет!

Например, традиционный подарок королевской невесте на помолвку – браслет с гербами двух стран, пришлось переделывать трижды. Принцесса настаивала на полном равноправии гербов в размере, стоимости и качестве.

В итоге, после очередной переделки ювелиры обоих королевств отказались вносить изменения в украшение. Они дружно заявили, что ничего больше сделать нельзя. Впереди были диадема, корона, и несколько положенных при коронации украшений с гербами. Мысли о них заранее вгоняли Его Величество в дрожь.

Большинство королевских советников склонялись к тому, что за капризами Квариллийской принцессы стояли политические мотивы. Как-то раньше не замечалось за Ее Высочеством Этиллией ан Шанстред пристрастия к украшениям и воистину детских капризов.

Но в чем подвох? Договор был перечитан столь пристально, что пергамент потерялся, а края помялись и потрескались. Письма, присланные принцессой в процессе подготовки к бракосочетанию, веером рассыпались по парчовой скатерти стола, а лорды советники никак не могли найти ответа на загадку.

Политические выгоды им были понятны: две страны, имеющие кусочек общей границы, получали возможность жить в мире и свободно торговать. Оба короля эту выгоду принимали – более того, рассчитывали на нее!

И уж мудрые женщины, способные растолковать это не такой уж юной принцессе, при квариллийском дворе имелись. Но невеста с завидным упорством продолжала выставлять абсурдные условия.

Только сегодня гонец доставил очередной свиток. Прочитав его, король Вайнор и весь совет пришли в недоумение: невеста предлагала жениху прибыть в Квариллию и провести помолвку и свадьбу одновременно. Растянув празднества более чем на месяц!

Это означало, что Вайнор Эльмер Вадерский должен оставить свои границы без присмотра на неопределенно долгий срок; месяц участвовать в увеселениях в разгар летних работ и военных учений. Да еще и прибытие предлагалось с минимальной охраной, дабы не стеснять дворцовую гвардию!

Эти требования выглядели особенно неуместно потому, что для королевских браков существовала традиция: брачную церемонию проводили на границе. Дабы новобрачные ни на минуту не отвлекались от королевских дел.

Потом молодые отправлялись в дом супруга, изредка супруги, попутно проводя инспекции, королевские суды и пышные празднества на своей территории. Таким образом, королевская свадьба сочетала в себе сразу несколько знаковых событий и не являлась тяжким бременем для жителей страны.

– Ваше Величество! – прочитав послание принцессы, поднял голову лорд Мияр, седовласый высокий мужчина, отвечающий за стражу дворца. – Если вы согласитесь, мы сможем сделать только одно: молиться за вас!

– Взгляните на третий снизу абзац, лорд Мияр, – Вайнор указал на копию письма принцессы. – Не думаю, что девушка сама придумала такой тонкий

политический шантаж. Он слишком продуман и серьезен.

Лорд еще раз перечел абзац, в котором Ее Высочество восторженно сообщала, что на свадьбу прибудет Верховный Жрец, дабы лично провести церемонию благословения молодых. Его согласиём уже заручились.

Выругавшись, лорд-страж перевел взгляд на лорда Иана – главу королевской службы безопасности. Чернокудрый видный красавец, щеголь и любитель женщин в котором трудно было заподозрить одного из влиятельнейших людей королевства, уставился в одну точку, едва заметно шевеля губами. Потом вдруг сказал:

– Отказаться приехать на помолвку без существенной причины Его Величество не может. Причиной в нынешней политической ситуации может послужить только смерть. Значит, нам остается только одно... найти телохранителя седьмого круга и убедить его сопровождать ваше величество.

Остальные советники зашумели, зашептались. Наконец, молодой и горячий лорд Амтис воскликнул:

– Но телохранителей седьмого круга в королевстве нет! Это скорее легенда!

Лорд Иан выслушал все высказывания молча. Его опыт царедворца заставлял мужчину держать лицо даже перед ближайшими соратниками. А уж тем более перед королевским советом, в котором хватало лордов, не желающих думать ни о чем, кроме политических и торговых выгод.

– Легенда, значит легенда! – лорд обворожительно улыбнулся и примиряющее поднял руки. – Значит, будем искать другой выход.

Лорд Амтис посверлил герцога Вэй-Мора подозрительным взглядом: уж не смеется ли над ним титулованный красавец? Но безмятежный взор главы СБ не раз обманывал даже прожженных политиков. Так что юный лорд успокоился и внес предложение: изготовить Его Величеству особо тонкую и прочную кольчугу. Предложение было благосклонно принято и, совет покатился своим чередом.

Когда закончили разбирать наиболее важные вопросы, лорды начали неспешно покидать зал совета, негромко переговариваясь. Именно в этот момент лорд Иан условным знаком попросил аудиенции у его величества.

Вайнор Вадерский лишь на миг прикрыл глаза и так же условным знаком показал:

– В кабинете через двадцать минут.

Его Величество король Вадеры Вайнор Эльмер, хотя и был довольно молод для короля, правил более десяти лет и умел ценить сдержанность своих советников. Потому аудиенция была дана главе СБ незамедлительно.

Королевский кабинет располагался здесь же, в старейшей части королевского дворца. Мало кто знал, почему молодой и прогрессивный король предпочитает работать и жить среди столетних гобеленов и пятисотлетних стен. Секрет был прост – в старой части дворца были тайные ходы, каналы для подслушивания и тайники, которые за давностью лет помнил только древний хранитель дворца уже лет триста пребывающий в призрачном состоянии. К тому же все эти секреты были неуязвимы для магии, что было особенно важно в период повального увлечения амулетами, магическими игрушками и модными заклинаниям.

В целом исторический антураж был скорее декорацией к целой системе, с помощью которой король Вайнор был в курсе всех подводных течений двора и аристократии.

Герцог Вэй-Мор умел ценить разумность своего сюзерена, поэтому равнодушно взирал на волооких дев с золотыми локонами украшающих приемную королевского кабинета. Сейчас его волновало совсем другое: безопасность его величества.

Начальник службы безопасности Вадерии на память не жаловался. И мог утверждать, что даже большая королевская летопись не зафиксировала такого количества покушений на сиятельную особу, которое пережил король Вайнор за последний год. Только на этой неделе его люди предотвратили пару несчастных случаев в королевской резиденции.

Обеспокоенный лорд Иан прямо связывал повышенную активность мебели и штукатурки с помолвкой короля. И переубедить его не получалось даже у лорда-канцлера.

На данный момент герцог Вэй-Мор в ответ на вопросительный взгляд короля представил Его Величеству ежегодный отчет, составленный по результатам инспекции школ наемников и телохранителей. Когда Вайнор удивленно пожал плечами глава СБ мягко подсказал:

– Обратите внимание, сир. Вот эта школа в пограничье. Здесь служат только вышедшие в отставку телохранители всех семи кругов.

– Всех семи? – Вайнор удивленно приподнял брови.

– Да. Мастер седьмого круга только один, некто Мелед, и он уже стар. Но если есть мастер... – лорд склонился в поклоне позволяя Его Величеству самому озвучить вывод.

– Значит, есть ученики? – король одернул манжет, покрутил в руках нож для писем и задумчиво спросил – Справятся ли они?

– Думаю, стоит узнать у самого мастера Меледа. Не открывая, конечно, всех обстоятельств... – глава СБ изобразил жестом затруднительность ситуации, в которой он оказался.

Король помолчал, а потом отвернулся к окну:

– Действуйте, лорд Иан. Я полностью полагаюсь на вас. Найдите мастера. Спросите рекомендации. Отыщите надежных людей и максимально продумайте схему охраны ближнего круга в Квариллии. Не нравятся мне сюрпризы, случившиеся на этой неделе. Раньше было намного спокойнее. Кроме того, политические перспективы этого брака не так уж радужны. Этиллия – старшая дочь, но мать наследника для нее – всего лишь мачеха. Если покушения связаны с ней, я должен иметь возможность для... маневра.

Лорд Иан поклонился, постаравшись изобразить лицом и телом понимание. Он знал историю рождения и восшествия на престол нынешнего короля и не

сомневался – Его Величество готов на многое для своей страны. Даже отдать жизнь. Но любовь неподвластна политическим расчетам.

Покинув королевские апартаменты, лорд Иан поспешил в отдельный мрачноватый флигель из серого камня. Это здание пользовалось при вадерском дворе дурной славой, ибо располагались кабинеты и кладовые СБ. Аристократы и слуги старались проскользнуть, мимо не привлекая к себе внимание обитателей флигеля.

Впрочем, сейчас главе СБ не было дела до страха обывателей. Ему нужно было немедленно отправить человека в пограничье – послание к наставнику Меледу не терпело отсрочки, свадебные торжества должны начаться через месяц!

Инира

На следующее утро после предложения Башмака наемники снова собрались в таверне. Сиг успел поговорить кое-с кем в городе. А Кварт сказал, что девки в веселом квартале в большой печали: перестали приходить «лапочки – гвардейцы», всегда сопровождающие в пути королевского посланника.

– А что с ними случилось? – негромко поинтересовалась Инира, осторожно придерживая голову.

Вчера Камил специально не стал ее лечить, чтобы сегодня девушке лучше думалось.

«Жестокий! Ничего! Напьетса, я в следующий раз его тоже лечить не буду!» – мрачно думала телохранительница, осторожно отпивая рассол из кружки.

Беда даже самых сильных магов – исцелить себя от банальной простуды или похмелья они не в состоянии.

– Все гвардейцы свалились с жесточайшим приступом дизентерии, – ответил бывший канатоходец и ловко выцепил с блюда румяную куриную ножку.

– Все разом? – сильно удивилась Ини, нехотя пробуя горячий суп.

Все же ее образование включало вполне приличные лекарские навыки, хоть и несколько смещенные в сторону опасных ран, переломов, травм и ядов.

– Ага! Я к ним в казарму ходил, лежат болезные. Говорят, корзинку вкусных яблок купили и все слопали. – Сиг усмехнулся. – Даже графу этому ничего не дали. А теперь им сидеть в карантине месяц.

Девушка хмыкнула и потерла нижнюю губу указательным пальцем:

– Есть такой яд... В малых дозах вызывает внешнюю картину дизентерии, но применяется крайне редко, потому что имеет специфический аромат – яблочный.

Сиг погладил ухоженные усы и задумчиво ответил:

– Думаешь, хотели задержать графа?

– Кто знает? Если съели целую корзинку, а отделались поносом и рвотой – значит, концентрация была минимальной. – Инира похлопала кончиками пальцев по столу и отхлебнула еще рассола, – Похоже, добивались именно задержки.

Сигизмунд почесал редющую макушку и вопросительно взглянул на напарницу:

– Есть впечатление, будто работал кто-то из наших, – ответила она. – Яд редкий, убивает не сразу и оставляет яблочный аромат на теле жертвы. Кроме того, его нужно правильно развести, иначе человека просто вырвет и отравления не получится.

– Телохранитель четвертого класса? Их мало, – друг выразил сомнение интонацией.

– Очень мало. – Подтвердила Инира, – И сейчас их в городе нет. Или уже нет. Этот состав быстро разлагается. Недели за две точно.

– А как же предложение графа? Ты решила согласиться? – Сигизмунд пристально посмотрел на воспитанницу и убедился – все уже решено.

– Мы возьмем контракт, – выделив голосом слово «мы», телохранительница дала напарнику достаточно информации.

Наставник насторожился и приготовился слушать. Ему нравилась манера Иниры раскладывать все по полочкам.

– Сигизмунд, контракт возьмем втроем, как наемники. Но где-то сзади, а, может, впереди или сбоку за нашей командой последует Камил. Последует как телохранитель, используя свои нетривиальные способности, прикрывая наши задницы.

– Отлично, – наемник успокоено потянулся к бокалу, в способности Камила он верил безоговорочно. Имел случай убедиться. – Встреча с графом сегодня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/lyapina_yuliya/vtoroy-shans-kniga_1

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)